

Пушкинъ въ своемъ пред-
смертномъ стихотвореніи, въ
предчувствіи близкаго конца
подводя итоги своей поэти-
ческой дѣятельности, такъ го-
ворилъ о своихъ заслугахъ
передъ народомъ:

И долго буду тѣмъ liebe-
зень я народу,
Что чувства добрыя я ли-
рой пробуждалъ,

*Что въ мой жестокий
вѣкъ возславилъ я сво-
боду*

И милость къ падшимъ
призывалъ.

Но не только въ нашей литературѣ отсутствуетъ строго установленный взглядъ на политическія убѣжденія Пушкина, а и самое свободолобіе, воспѣваніе Пушкинымъ свободы („Что въ мой жестокой вѣкъ возславиль я свободу“) нерѣдко ставится подъ вопросъ.

Въ концѣ прошлаго вѣка политическіе взгляды Пушкина иногда просто искажались,—и, въ зависимости отъ того, къ какому общественному лагерю принадлежалъ писавшій, Пушкинъ оказывался то либераломъ чистѣйшей воды, декабристомъ по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, то осторожнымъ консерваторомъ, порой оплотомъ консерватизма и чуть ли не реакціи.

Слѣдуетъ замѣтить, что пристрастные критики совершали безсознательно одну весьма крупную ошибку: дѣлили взгляды Пушкина до 1825 г. и послѣ 1825 года, считая, что крушеніе декабризма заставило Пушкина радикально измѣнить своимъ юношескимъ убѣжденіямъ и примириться съ русской дѣйствительностью одной изъ самыхъ реакціонныхъ эпохъ— эпохи „жандарма Европы“— Николая I-го и жандарма Россіи—всесильнаго графа А. Х. Бенкендорфа.

Взглядъ этотъ глубоко ошибоченъ и несправедливъ.

Трудно, почти невозможно возстановить эволюцію политическихъ взглядовъ Пушкина, но съ полной увѣренностью можно говорить и фак-

тическими данными доказывать, что политическія убѣжденія поэта постоянно эволюціонировали, и онъ откликался на реальную политическую обстановку жизни, оставаясь постоянно поэтомъ — и прежде всего поэтомъ.

Возстановить полную картину постепеннаго роста политическихъ и общественныхъ взглядовъ Пушкина не только невѣроятно трудно, но и почти невозможно по слѣдующимъ причинамъ: 1) многія стихотворенія Пушкина на политическія темы или просто либеральнаго содержанія безслѣдно пропали, не дошли до насъ, 2) многія такъ называемыя „политическія „стихотворенія Пушкина представляютъ собой весьма сомнительный матеріалъ,

т. к. можетъ быть очень большая часть ихъ не имѣеть ровно никакого отношенія къ Пушкину, и біографъ Пушкина, прежде, чѣмъ приступать къ изложенію политическихъ взглядовъ великаго поэта, долженъ изслѣдовать, насколько вѣски тѣ основанія, въ силу которыхъ то или иное стихотвореніе приписывается Пушкину.

Въ X-ой главѣ „Евгенія Онѣгина“ Пушкинъ хотѣлъ дать исторію декабрьскаго движенія и въ одной изъ строфъ (полностью прочитанныхъ нами) говорилъ:

Другъ Марса, Вакха и
Венеры.

Тутъ Лунинъ дерзко пред-
лагалъ

Свои рѣшительныя мѣры,

И вдохновенно бормоталъ,
Читалъ свои поэмы Пуш-
кинъ;

Меланхолическій Якуш-
кинъ(?),

Казалось, молча обнажалъ
Цареубійственный кинжалъ;
Одну Россію въ мірѣ видя,
Лаская въ ней свой идеаль,
Хромой Тургеневъ имъ
внималъ,

И слово *рабство* ненавида,
Предвидѣлъ въ сей толпѣ
дворянъ

Освободителей крестьянъ.

О „ноэляхъ“ (сказочныхъ рождественскихъ стихахъ; такіе „рождественскіе“ стихи—политическія сатиры писалъ князь Горчаковъ) говорятъ и современники Пушкина; письмо Пушкина 1821 года говоритъ о какомъ-то большомъ

произведеніи—ноэлѣ, написанномъ очевидно незадолго до того; между тѣмъ изъ всѣхъ „ноэлей“ мы имѣемъ только одинъ—1818 г. („Ура! въ Россію скачетъ“), да и тотъ, можетъ быть, не принадлежитъ Пушкину.

Но если мы встрѣчаемся съ большимъ препятствіемъ—недостаткомъ матеріала, то еще большимъ препятствіемъ является сомнительность матеріала: существуетъ значительная опасность исказить взгляды Пушкина, излагая ихъ по тѣмъ стихотвореніямъ, которыхъ Пушкинъ въ дѣйствительности никогда не писалъ.

Пушкину стали приписывать чужія стихотворенія еще при жизни его, и онъ жаловался на то, что какъ всякое

неприличное (порнографическое) стихотвореніе ходитъ съ именемъ Баркова, такъ всякое вольнолюбивое стихотвореніе носитъ имя пѣвца свободы — Пушкина.

Поэтъ въ шутку говорилъ, что онъ не отказывался отъ авторства плохихъ стихотвореній, такъ какъ былъ увѣренъ, что они сами отпадутъ отъ него, что читатели не повѣрятъ авторству Пушкина, — отъ хорошихъ же стихотвореній не имѣлъ духу отказаться. Конечно, эти признанія — шутка поэта, который не могъ, какъ это само собой разумѣется, выступать въ печати съ громкимъ заявленіемъ, что такія-то подпольныя политическія стихотворенія, приписываемыя ему, ему не принадлежатъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ теченіемъ времени количество приписываемыхъ Пушкину стихотвореній все росло и росло, и „плохіе“ стихи вошли въ его собранія сочиненій.

Прежде, чѣмъ говорить о политическихъ взглядахъ и настроеніяхъ Пушкина, слѣдуетъ установить его связи съ декабризмомъ и отмѣтить одно весьма немаловажное обстоятельство; поэтъ милостью Божьей, поэтъ прежде всего, ставившій поэтическій алтарь выше царскаго трона (нерукотворный памятникъ поэта „непокорной“ главой „вознесся выше Александрійскаго столпа“) и приравнивавшій поэтическое служеніе къ пророческому, Пушкинъ не былъ *политическимъ дѣ-*

ятелемъ. Болѣе того: Пушкинъ не вполнѣ довѣрялъ политической дѣятельности.

Быть можетъ, въ юности Пушкинъ одно время и думалъ о возможности такой дѣятельности, но скоро отказался отъ нея—*независимо* отъ неупѣха декабрьскаго движенія и задолго до него.

Послѣ V-ой строфы второй главы „Евгенія Онѣгина“, въ концѣ 1823 года, Пушкинъ началъ пріурочивать свои наброски (относящіеся, можетъ быть, даже къ 1822 году) и написалъ первые десять стиховъ Онѣгинской строфой, но затѣмъ выдѣлилъ въ особое стихотвореніе:

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной

Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,
*Но потерялъ я только
время,
Благія мысли и труды...*
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудить чести
кличь!
Къ чему стадамъ дары
свободы?
Ихъ должно рѣзать или
стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода
въ роды
Ярмо съ гремушками да бичь.

И этой проповѣди квіэтизма, политически-общественнаго бездѣйствія, Пушкинъ о тавался вѣренъ всю жизнь, не уставая „пробуждать лиръ и чувства добрыя“ и „въ жестокой вѣкъ“ славить, вслѣдъ Радищеву, свободу.

Пушкинъ былъ друженъ со многими декабристами—членами тайнаго общества, во многихъ взглядахъ сходилъ съ тайнымъ обществомъ, стихотвореніями Пушкина декабристы пользовались для пропаганды своихъ идей, но Пушкинъ не былъ членомъ тайнаго общества. Почему?—На этотъ вопросъ наша литература обыкновенно отвѣчаетъ такъ: члены тайнаго общества не принимали Пушкина въ свою среду потому, что 1) ему не довѣряли изъ-за его легкомыслія, а 2) потому, что берегли въ немъ великаго національнаго поэта, честь Россіи.

Что касается до перваго объясненія, то оно мало удовлетворительно и потому, что басни о легкомысліи Пушки-

на оказываются всего только баснями, совершенно не со-
ответствующими дѣйствитель-
ности, и потому, что лёгко-
мысленныхъ членовъ тайнаге
общества было весьма боль-
шое, слишкомъ большое чи-
сло. Второе же объясненіе
еще менѣе убѣдительно: ка-
кая же политическая партія
замышляющая *государствен-
ный* переворотъ, остановится
передъ тѣмъ, чтобы принести
поэта въ жертву политическаго
дѣла?—Рылѣевъ обладалъ не-
сомнѣннымъ, крупнымъ та-
лантомъ,—и Рылѣевъ былъ
однимъ изъ вождей тайнаго
общества; а въ двадцати-
лѣтнемъ Пушкинѣ врядъ ли
многіе могли провидѣть вели-
каго національнаго поэта.

Близкій другъ Пушкина
по Лицею—декабристъ И. И.

Пушкинъ могъ изъ осторожности не посвящать своего друга—поэта въ цѣли тайнаго общества, но неужели Пушкинъ ни черезъ кого другого не могъ попасть въ члены тайнаго общества?

Ислѣдованіе *несомнѣнно* Пушкинскихъ политическихъ стихотвореній говоритъ о другомъ: о томъ, что Пушкинъ не только формально не былъ декабристомъ, но и внутренно не сливался съ декабризмомъ, хотя и былъ очень близокъ послѣднему. Между Пушкинымъ и декабризмомъ постоянно лежала извѣстная, иногда едва обозначавшаяся грань, и эту грань Пушкинъ никогда не переступалъ. Ближе всего Пушкинъ былъ къ декабризму въ 1821 году (какъ о томъ будетъ рѣчь ниже).

Политическія стихотворенія Пушкина собственно не были декабристскими, но ими декабристы пользовались, потому что ими подготовлялась та почва, которая благоприятствовала декабризму: стихотворенія Пушкина вызывали протестъ противъ существующихъ золь, говорили о неблагополучіи, создавали извѣстное настроеніе, которое болѣе всего способствовало воспріятію идей декабристовъ.

Не сливаясь съ декабризмомъ, Пушкинъ въ значительной мѣрѣ былъ его пѣвцомъ, его „Аріономъ“:

И съ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны весла.
Въ тишинѣ,

На руль склоняясь, нашъ
кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ груз-
ный челнъ.

А я — безпечной вѣры
полнъ—

Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ
лоно волнъ

Измялъ съ—налету вихорь
шумный...

Погибъ и кормщикъ, и
пловецъ!

Лишь я, таинственный пѣ-
вецъ,

На берегъ выброшенъ гро-
зою,

Я гимны прежніе пою

И ризу влажную мою

Сушу на солнцѣ, подъ
скалою.

Пушкинъ пѣлъ „плов-
цамъ“—декабристамъ и по-
слѣ грозы продолжалъ пѣть
„прежніе гимны“.

Сочувствуя своимъ политическимъ друзьямъ, Пушкинъ зорче видѣлъ будущее и зналъ, что движеніе декабристовъ заранѣе обречено на неудачу, что оно остается изолированнымъ и практически неосуществимо.

Пушкинъ сжегъ X-ую главу „Евгенія Онѣгина“, и потому до насъ не дошла исторія декабристовъ, написанная имъ, но и въ тѣхъ отрывкахъ (первыя четверостишія 14 строфъ и 2^{1/2} строфы), которые сохранились, мы имѣемъ образцы мудрости Пушкина.

Еще больше мудрость Пушкина проявилась въ его извѣстномъ „Посланіи въ Сибирь“:

Во глубинѣ сибирскихъ
рудъ

Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорб-
ный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ под-
земельѣ
Пробудить бодрость и ве-
селье;
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до
васъ
Дойдутъ сквозь мрачные
затворы,
Какъ въ ваши каторжныя
норы
Доходить мой свободный
гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ,—и сво-
бода

стовъ не умрутъ и будутъ будить сперва все русское общество—дворянское во времена Пушкина,—а потомъ и весь русскій народъ.

Въ 1834 году Пушкинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „кто были на площади 14 декабря?—Одни дворяне. Сколько же ихъ будетъ при первомъ новомъ возмущеніи?— Не знаю, а кажется много“...

Пушкинъ сочувствовалъ идеямъ, декабристовъ но считалъ, что еще не пришла „желанная пора“ для дѣйствій, что возстаніе преждевременно и не раздѣлялъ взглядовъ декабристовъ на способъ проведенія высокихъ идей въ жизнь.—и въ этомъ можетъ быть заключалось главное отличіе Пушкина отъ декабристовъ, отличіе, заставлявшее

однихъ подымать возстаніе на Сенатской площади и свергать „самовластье“, а другого — проповѣдывать квіэтизмъ и говорить:

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудить чести
кличь!

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ общему краткому очерку политическо - общественныхъ взглядовъ и настроеній Пушкина.

I.

Юноша Пушкинъ воспитывался въ Царскомъ Селѣ, въ Лицеѣ, подѣ бокомъ царской семьи и двора, и лицейскія стѣны, несмотря на присутствіе въ нихъ нѣкоторыхъ либеральныхъ профессоровъ, замыкали въ себѣ особый мірокъ, куда рѣдко врывалась

и проникала дѣйствительная жизнь.

Культъ поэзіи процвѣталъ въ лицейской дружной семьѣ, для которой цѣлый міръ былъ чужбиной и отечествомъ—Царское Село.

Изолированные отъ внѣшняго міра, дѣти—юноши жили преимущественно въ книжномъ мірѣ и въ мірѣ мечты. Поэтому насъ не должно удивлять съ одной стороны преждевременная опытность, а съ другой стороны жизненная наивность, которыя сквозятъ въ стихотвореніяхъ Пушкина и его друзей—поэтовъ.

Искать въ юношескихъ стихотвореніяхъ Пушкина автобіографическихъ чертъ, личныхъ переживаній, переживаній сердца—можно только съ очень большой осторож-

ностью: книжность въ лицейскихъ стихотвореніяхъ начинающаго поэта перевѣшиваетъ надъ личнымъ чувствомъ.

Въ замкнутой лицейской обстановкѣ сказывалось близкое сосѣдство царской семьи и двора: восторжѣнная любовь къ Александру I-му, раздѣлявшаяся въ то время всей Россіей, здѣсь превращалась въ настоящее обожествленіе „благословеннаго“ императора.

Культь Александра I-го, царя—спасителя, былъ и въ Царско-сельскомъ лицей и отразился въ поэзіи Пушкина. Восторженные стихи посвятилъ Пушкинъ „Россіи божеству“ „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году,“ въ одѣ, ды-

шащей чистымъ, дѣтскимъ
наивнымъ восторгомъ:

Я видѣлъ, какъ на брань
летѣли наши строи;

Душой восторженной за
братьями спѣшилъ;

Почто жъ на бранный доль
я крови не пролилъ?

Почто, сжимая мечъ мла-
денческой рукою,

*Покрытый ранами, не
палъ я предъ тобою,*

И славы подъ крыломъ на
утрѣ не почилъ?

Почто великихъ дѣлъ сви-
дѣтелемъ не былъ?

О, сколь величественъ, без-
смертный, ты явился,

Когда на сильнаго съ сы-
нами устремился,

И челы приподнявъ изъ
мрачности гробовъ,

Народы, падшіе подъ бре-
менемъ оковъ,

Тяжелой цѣпью съ востор-
гомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ
друга вопрошали:
„Ужель свободны мы?.. Уже-
ли грозный палъ?..
„Кто смѣлый? Кто въ гро-
махъ на сѣверѣ возсталъ?..“
И ветхую главу Европа пре-
клонила,
Царя—спасителя колѣна
окружила
Освобожденною отъ раб-
скихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчез-
ла предъ тобой!..
И сквозь реторику этихъ
стиховъ чувствуется настоя-
щій восторгъ передъ куми-
ромъ Россіи мальчика—поэта,
воспитаннаго на французской
литературѣ, поклонника идей
французскихъ энциклопеди-
стовъ: царскосельскій патри-

отизмъ оказался сильнѣе книжнаго либерализма, и Пушкинъ привѣтствовалъ освобожденіе Европы отъ „мятежной власти“ царемъ-спасителемъ.

Вплоть до 1817 года Пушкинъ былъ совершенно далекъ отъ нарастающей волны либерализма и въ 1816 году писалъ:

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все испошли.

Тамъ—громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь—безмятежною
Сѣбною надежною,
Благостью нѣжною

Насъ осѣнилъ.
Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань;
Гласъ умиленія
Благодаренія,—
Сердца стремленія—
Вотъ наша дань!

Тщетно стали бы мы искать въ лицейскихъ стихотвореніяхъ 1814—1816 г.г. что-нибудь противорѣчащее гимну „Боже, царя храни“ и одѣ „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году“: лицеистъ—Пушкинъ до 1817 года или вовсе не интересовался политикой или смотрѣлъ на нее глазами того патріотизма, который поощрялся въ лицей и который въ большой степени былъ распространенъ въ русскомъ обществѣ.

Чудеснымъ кажется рѣзкій переворотъ, произошедшій съ Пушкинымъ въ 1817 году: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ гимна „Боже, царя храни!“ поэтъ пишетъ оду „Вольность“, которая послужила главной причиной ссылки Пушкина на югъ въ 1820 году.

II.

Рѣзкое измѣненіе въ политическихъ взглядахъ Пушкина, происшедшее въ 1817 году—годъ написанія оды „Вольность“,—вызвано было главнымъ образомъ знакомствомъ поэта въ первой половинѣ этого года съ молодыми офицерами, находившимися въ это время въ Царскомъ Селѣ: съ лейбъ-гусарами П. Я. Чаадаевымъ, извѣстнымъ предтечей западниковъ, авторомъ „Философиче-

скихъ писемъ“, и П. П. Каверинимъ, другомъ Евгенія Онѣгина, веселымъ собутыльникомъ, вынесшимъ нѣкоторое вольномысліе изъ заграничнаго похода и, по выраженію Пушкина, скрывавшимъ умъ высокій „безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ“,—и лейбъ-егеремъ Н. И. Кривцовымъ, политическимъ и религіознымъ вольнодумцемъ.

Говорить, собственно, о рѣзкомъ измѣненіи въ политическихъ взглядахъ Пушкина нельзя: до 1817 года общественно-политическаго сознанія не было въ Пушкинѣ, съ 1817 года мысль Пушкина, разбуженная молодыми офицерами, -- представителями того передового либерализма, который въ то время возни-

каль,—стала работать въ этомъ направленіи, и въ связи съ этимъ поэтъ сталъ подвергать критикѣ тѣ взгляды, которые впитывала въ него царскосельская обстановка и старая традиція.

Политическое сознаніе пробудилось въ Пушкинѣ, возникли либеральные взгляды, но еще болѣе вліяніе друзей сказалось на настроеніи Пушкина, на либеральномъ чувствѣ поэта.

Дружба съ лейбъ-гусарами, дружно жившими „съ Кние-рой, съ Портикомъ, и съ книгой и съ бокаломъ“, во многихъ отношеніяхъ сказалась на развитіи Пушкина. Здѣсь неумѣстно входить въ подробную оцѣнку значенія этого вліянія, но слѣдуетъ отмѣтить, что наиболѣе положи-

тельное, серьезное и длительное влияние на Пушкина имѣлъ П. Я. Чаадаевъ, дѣятельный членъ Тайнаго Общества, не принимавшій участія въ событіяхъ 14 декабря 1825 года только потому, что онъ находился въ это время за-границей. Если съ другими своими старшими друзьями—Каверинымъ и Кривцовымъ—Пушкинъ велъ вольные разговоры „между лафитомъ и клико“, причемъ разговоры порой теряли связность,—то большой и оригинальный умъ стойка П. Я. Чаадаева, „безстрастного наблюдателя въ-треной толпы“, чаще мудреца, рѣже--мечтателя, оказалъ громадное—мы не боимся преувеличенія—образующее влияние на Пушкина.

Съ первыхъ же дней Пуш-

кинъ выдѣлилъ П. Я. Чаадаева, который, по его мнѣнію, „въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ — Периклесь,“ и скоро сталъ гордиться дружбой съ нимъ. Поэтъ навсегда сохранилъ благодарное чувство въ Чаадаеву, къ которому въ 1821 году обращался съ такими словами:

Ты былъ цѣлителемъ моихъ
душевныхъ силъ,
О неизмѣнный другъ, тебѣ
я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испы-
танный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спа-
сенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ
юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ, въ
волненіи страстей,

Я тайно изнывалъ, страда-
 лець утомленный;
 Въ минуту гибели надъ безд-
 ной потаенной
 Ты поддержалъ меня недрем-
 лющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду
 и покой;
 Во глубину души вникая
 строгимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣтомъ
 или укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ
 высокому любовь;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ рож-
 далось вновь...

Подъ вліяніемъ своихъ ли-
 беральныхъ друзей Пушкинъ
 подвергъ переоцѣнкѣ свои
 прежнія симпатіи и развѣн-
 чалъ своего бога—Александра
 I. Слѣдуетъ, впрочемъ, ска-
 зать, что либеральная часть
 русскаго общества, боготво-

рившая прежде своего кумира—царя - спасителя,—начала разочаровываться въ немъ.

Пушкинъ жестоко напалъ на Александра I-го въ своей одѣ „Вольность“, написанной въ подражаніе „Вольности“ Радищева, представивъ Александра I-го въ позорной роли отцеубійцы-цареубійцы, и до конца смерти его не переставалъ ему „подсвистывать“ и писать „пасквили“, которые почти всѣ погибли, не дойдя до потомства.

Непріязненное отношеніе къ царю не было минутнымъ настроеніемъ поэта, и 5 лѣтъ послѣ смерти Александра I—въ 1830 году, Пушкинъ началъ X главу „Евгенія Онѣгина“—исторію декабризма—

И трудъ, и собственность, и
 время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ,
 покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее тащится
 по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до
 гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ
 душѣ питать не смѣя;
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго
 злодѣя;
Опора милая старѣющихъ от-
 цевъ,
Младые сыновья, товарищи
 трудова,
Изъ хижины родной идутъ
 собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ
 рабовъ...

Либерализмъ Пушкина, его
вольномысліе, были на лицо,

1817—1820 г. былъ пѣвцомъ свободы,—до такой степени это само собой разумѣется.

Однако, если само собой разумѣется либеральное настроеніе Пушкина и его порицаніе различныхъ сторонъ жизни (преимущественно временщиковъ и личныхъ свойствъ, личнаго характера и политики Александра I-го). то не разумѣются само собой либерально-политическіе взгляды Пушкина этой поры, и слѣдуетъ быть весьма и весьма осторожнымъ, чтобы не преувеличить либерализма политическаго сознанія Пушкина.

Слѣдуетъ прежде всего сказать, что Пушкинъ былъ либераломъ, но не былъ радикаломъ и бичуя темныя стороны „самовластья“, не при-

зываетъ къ ниспроверженію
этого самовластья.

Трезвый по своей природѣ, Пушкинъ понималъ, что русское общество находится въ такой стадіи политическаго развитія, при которой невозможно насильственное коренное измѣненіе существующаго государственнаго строя, но необходимы измѣненія, реформы.

Даже въ „Вольности“, въ одѣ свободѣ, Пушкинъ обрушивается только на „неправедную власть“ и говоритъ:

Лишь тамъ надъ царскою
главой
Не слышится людей стеланье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью
святой

Законовъ мощныхъ соче-
танье,
Гдѣ всеѣмъ простертъ ихъ
твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными ру-
ками,
Гражданъ надъ равными
главами
Ихъ мечъ безъ выбора
скользить,
Гдѣ преступленье съ вы-
сока
Разится праведнымъ раз-
махомъ,
Гдѣ не подкупна ихъ рука
Ни къ злату алчностью,
ни страхомъ!

Пушкинъ, преслѣдуя сво-
ими „пасквильми“ Александ-
ра I-го и его холоповъ, не
колеблетъ въ своихъ стихо-
твореніяхъ трона--первоисточ-
ника „самовластья“ и карти-
ну соціального ужаса „Дерев-

ни“ (1819) г. заключаетъ словами:

Увижу ль я, друзья, на-
родъ неугнетенный
И рабство, падшее по ма-
нію царя,
И надъ отечествомъ сво-
боды просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, пре-
красная заря?

Поэтъ считаетъ необходи-
мымъ, чтобы царь уничто-
жилъ рабство и далъ свобо-
ду отечеству, и если царь
поступаетъ иначе-- нужно ука-
зывать ему истинные пути и
призывать къ свободѣ. И Пуш-
кинъ преслѣдовалъ Александръ
I-го насмѣшками и обли-
ченіями, Пушкинъ хотѣлъ
быть, и дѣйствительно былъ,
пѣвцомъ, апостоломъ свободы,
но не касался вопроса (по

крайней мѣрѣ, въ то время) о необходимости низверженія существующей формы государственнаго правленія и замѣны ея другой формой.

Въ собраніяхъ сочиненій Пушкина только одно стихотвореніе говоритъ о другомъ— посланіе, печатающееся подъ заглавіемъ „Къ Чаадаеву“ и относимое къ 1818 году.

Въ этомъ посланіи находятся стихи, прямо противорѣчающіе всему сказанному нами выше:

Товарищъ, вѣдь, взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья.
Напишетъ наши имена!

Въ какой мѣрѣ однако можно полагаться на это посланіе и строить на немъ политическіе взгляды Пушки-

на?—Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ приведемъ краткую исторію посланія „къ Чаадаеву“. Впервые оно, подъ заглавіемъ „Къ N.N.“ и съ большими пропусками, было напечатано въ альманахѣ 1829 года „Сѣверная Звѣзда“ съ подписью *Ап. Бестужевъ*—Рюминъ напечаталъ въ „Сѣв. Звѣздѣ“ 13 стихотвореній за подписью *Ап.*, что встрѣтило рѣзкій отпоръ со стороны Пушкина, такъ какъ въ числѣ этихъ 13 стихотвореній были и Пушкинскія подлинныя стихотворенія, и стихотворенія Пушкина до неузнаваемости искаженныя и, наконецъ, стихотворенія, неимѣющія никакого отношенія къ Пушкину (такъ, и рядомъ съ посланіемъ „къ N.N.“ былъ напечатанъ отрывокъ изъ

посланія князя П. А. Вяземскаго). Больше это стихотвореніе въ печати при жизни Пушкина не появлялось, и впервые попало въ собраніе сочиненій Пушкина 1855 года, приче́мъ редакторъ этого изданія—П. В. Анненковъ—помѣстилъ подь 1818 годомъ перепечатанныя имъ рядомъ изъ „Сѣверной Звѣзды“ два стихотворенія, изъ которыхъ одно оказалось посланіемъ князя *П. А. Вяземскаго*, а другое—посланіемъ, о которомъ идетъ рѣчь. Послѣдующія изданія дополняли посланіе „къ N.N.“, постепенно расшифровывая многоточія, приче́мъ дополненія дѣлались на основаніи многочисленныхъ распространенныхъ списковъ.

Такимъ образомъ, только *списки* утверждали авторство

Пушкина. Но вотъ, что необходимо имѣть въ виду: 1) списки посланія „Любви, надежды, тихой славы“ были распространены какъ съ именемъ Пушкина, такъ и съ именемъ *Рылѣва*, и 2) уже при жизни Пушкина ему приписывались стихотворенія, принадлежащія другимъ авторамъ.

Внутренній анализъ и формы и содержанія посланія „Любви, надежды, тихой (*не гордой*) славы“ еще болѣе способствуетъ сомнѣнiю въ авторствѣ Пушкина, между тѣмъ какъ и нѣкоторыя выраженія и въ особенности мысль этого стихотворенія вполне совпадаютъ со многими стихотворенiями Рылѣва.

Какъ бы то ни было, вопросъ объ авторѣ посланія

„Любви, надежды, тихой славы“ продолжаетъ оставаться спорнымъ, и нельзя на основаніи *спорнаго* стихотворенія дѣлать построенія о политическихъ взглядахъ Пушкина.

III.

6 мая 1820 года Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Екатеринославъ—въ замаскированную ссылку—и передъ отъѣздомъ далъ обѣщаніе Н. М. Карамзину ничего не писать противъ правительства въ теченіе двухъ лѣтъ.

Это слово данное Н. М. Карамзину, связывало Пушкина, и исполненіе его какъ разъ въ эти два года—въ 1820—1822 г. г.—Пушкину было труднѣе всего, тѣмъ болѣе, что революціоннѣе всего онъ былъ настроенъ именно въ это время.

Жестокость самовластья Пушкинъ лично испыталъ на самомъ себѣ: поэтъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ самомъ безысходномъ отчаяніи, очень близкомъ къ самоубійству (отъ котораго, быть можетъ его и спасъ П. Я. Чаадаевъ), считалъ свою жизнь окончательно испорченной, навсегда загубленной, и это состояніе не могло способствовать благожелательному отношенію къ деспотическому правительству.

Естественно поэтому, что въ Пушкинѣ росло возбужденіе и раздраженіе противъ Александра I-го и его „холоповъ“, и во второй половинѣ 1821 года раздраженіе порой прорывалось въ стихахъ, намѣреніе которыхъ, вопреки утвержденію Пушкина, было далеко не „безгрѣшнымъ“.

Озлобленность, съ которой Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга, значительно смягчилась путешествіемъ на Кавказъ и въ Крымъ вмѣстѣ съ либеральной семьей героя отечественной войны Н. Н. Раевского. Тамъ Пушкинъ провелъ „счастливейшія минуты жизни“ своей, и если эти счастливейшія минуты примиряли Пушкина съ жизнью и смягчали его озлобленность, то въ же время болѣе углубляли либерализмъ поэта, находившагося въ извѣстной степени подъ вліяніемъ хорошо образованныхъ либерально-настроенныхъ братьевъ Раевскихъ.

По возвращеніи изъ Крыма, поэтъ недолго оставался въ Кишиневѣ и чрезъ два мѣсяца—въ концѣ ноября 1820

года—уѣхалъ въ Каменку, кievскую деревню Давыдовыхъ (братьевъ генерала Раевского).

Въ Каменкѣ Пушкинъ попалъ въ обстановку декабристовъ, съ которой вполне гармонировало его настроеніе, и совершенно отдался жизни, которую такъ описывалъ (Н. И. Гнѣдичу): „Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ.—Вы повѣ-

рите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ Петербургскихъ“.

О томъ, насколько Пушкинъ въ это время былъ близокъ къ декабризму, говоритъ слѣдующее мѣсто въ запискахъ декабриста И. Д. Якушкина:

„Всѣ вечера мы проводили на половинѣ у Вас. Льв. (Давыдова), и вечеромъ бесѣды наши для всѣхъ насъ были очень занимательны. Равевскій. не принадлежа самъ къ Тайному Обществу. но, подозрѣвая его существованіе, смотрѣлъ съ напряженнымъ любопытствомъ на все происходящее вокругъ него. Онъ не вѣрилъ, чтобъ я случайно заѣхалъ въ Каменку, и ему очень хотѣлось знать причину моего прибытія. Въ

послѣдній вечеръ Орловъ, Вас. Льв, Давыдовъ, Охотниковъ и я сговорились такъ дѣйствовать, чтобъ сбить съ толку Раевского на счетъ того, принадлежимъ ли мы къ Тайному обществу, или нѣтъ... Въ послѣдній этотъ вечеръ пребыванія нашего въ Каменкѣ, послѣ многихъ разсужденій о разныхъ предметахъ, Орловъ предложилъ вопросъ: на сколько было бы полезно учрежденіе Тайнаго общества въ Россіи. Самъ онъ высказалъ все, что можно было сказать за и противъ тайнаго общества. Вас. Льв. Давыдовъ и Охотниковъ были согласны съ мнѣніемъ Орлова. Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ всю пользу, какую могло принести Тайное общество въ Россіи. Тутъ, ис-

просивъ слово у президента, я старался доказать, что въ Россіи совершенно невозможно существованіе тайнаго общества, которое могло бы быть хоть на сколько нибудь полезно. Раевскій сталъ мнѣ доказывать противное и исчислилъ всѣ случаи, въ которыхъ тайное общество могло бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой. Въ отвѣтъ на его выходку я ему сказалъ: мнѣ не трудно доказать вамъ, что вы шутите; я предложу вамъ вопросъ: „если бы теперь уже существовало тайное общество, вы навѣрно къ нему не присоединились бы“ -- „Напротивъ. навѣрно бы присоединился“, отвѣчалъ онъ. — „Въ такомъ случаѣ давайте руку“, сказалъ я ему. И онъ протянулъ мнѣ руку,

послѣ чего я расхохотался, сказавъ Раевскому: „Разумѣется, все это только одна шутка“. Другіе также смѣялись, кромѣ Алекс. Львовича (Давыдова), „рогоносца величаваго“, который дремалъ, и Пушкина, который былъ очень взволнованъ: онъ передъ этимъ увѣрился, что Тайное Общество или существуетъ, или тутъ же получить свое начало, и онъ будетъ его членомъ; но когда увидѣлъ, что изъ этого вышла только шутка, онъ всталъ покраснѣвши и сказалъ со слезой на глазахъ: „Я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою благоуженную и высокую цѣль передъ собой, и все это была только злая шутка?“ Въ

эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ“.

Возможно, что рассказъ И. Д. Якушкина, написанный гораздо позже событій, отличается и весьма большими неточностями, но одно несомнѣнно,—что въ это время—въ ноябрѣ-декабрѣ, Пушкинъ былъ очень близокъ и по своему настроенію, и по своимъ взглядамъ, къ декабризму.

Въ 1821 году либерализмъ Пушкина не только не пошелъ на убыль, но еще болѣе возросъ, и въ 1821 году либеральные взгляды поэта достигли, быть можетъ, самаго большого радикализма. Въ началѣ 1821 года произошло освободительное движеніе Греціи, за которымъ Пушкинъ, вмѣстѣ съ декаб-

ристами, восторженно слѣдилъ, всею душою сочувствуя освобожденію Греціи; въ 1821 году началось въ Италіи движеніе карбонаріевъ; въ этомъ же году умеръ „тиранъ“ Наполеонъ, возстановившій было тронъ во Франціи. Казалось, начиналось освободительное движеніе въ Европѣ, казалось, что начали шататься царскіе троны.

И, вдобавокъ, судьба какъ нарочно сталкивала Пушкина съ декабристами, и онъ велъ „разговоры метафизическіе, политическіе, нравственные и проч.“ съ повѣщеннымъ Пестелемъ, съ В. Л. Давыдовымъ и другими декабристами. Недовѣріе къ тому, что народы смогутъ сбросить со своей шеи яремъ, остается въ Пушкинѣ, но

онъ хочетъ надѣяться на осуществленіе свободы и—можетъ быть, въ первый и въ послѣдній разъ—рѣшаетъ стать въ ряды активныхъ борцовъ за свободу, пойти въ станъ возстающихъ. Въ черновикахъ 1821 года мы находимъ такіе стихи въ посланіи къ декабристу В. Л. Давыдову, которые говорятъ объ этой рѣшимости, несмотря на то, что Пушкинъ не увѣренъ въ успѣхѣ движенія:

Вотъ эвхаристія другая,
Когда и ты, имилый братъ, ¹⁾
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли
Безпѣнной, мерзлою струей
И за здоровье *тѣхъ* ²⁾ и
той ³⁾

¹⁾ Александръ Львовичъ Давыдовъ.

²⁾ Итальянскіе карбонаріи.

³⁾ Свобода.

До дна, до капли выпива-
ли...

Но *ты* въ Неаполѣ шалятъ,
А *та* едва ли тамъ во-
скреснетъ:

Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не трес-
нетъ.

Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но нѣтъ, — мы счастьемъ на-
сладимся,

Кровавой чашей прича-
стимся,

И я скажу: „Христось во-
скресъ!“

Въ послѣдующіе годы Пуш-
кинъ все болѣе убѣждался въ
томъ, что „народы тишины
хотятъ“ и разочаровывался
въ возможности революціи, а
потому въ желательности ея,
такъ какъ неудачная попыт-
ка *можетъ повлечь за со-*
бою усиленіе реакціи, но въ

1821 году онъ хотѣлъ „причаститься кровавой чашей“ и писалъ свой „Кинжалъ“.

Смерть Наполеона внушила Пушкину надежды на то, что эта смерть на островѣ въ ссылкѣ укажетъ человѣчеству пути свободы; развѣчанная тѣнь Наполеона указала „высокій жребій“ русскому народу, Наполеонъ „міру вѣчную свободу

Изъ мрака ссылки завѣщалъ“

IV.

1821 годъ былъ въ жизни и въ творествѣ Пушкина наиболѣе рѣзко выраженъ политическимъ радикализмомъ, несмотря на то, что поэтъ, помня слово, данное Н. М. Карамзину, старался ничего не писать противъ правительства. Въ 1823 году (1 декабря) Пушкинъ въ письмѣ къ

А. И. Тургеневу выписалъ
„самыя сносныя“—вѣрнѣе са-
мыя прекрасныя и сильныя
строфы изъ оды на смерть
Наполеона:

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился
мѣръ,

И Галль десницей разъ-
яренной

Низвергнулъ ветхій свой
кумѣрь,

Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ
лежалъ

И день великій, неизбѣж-
ный—

Свободы яркій день вста-
валъ—

Тогда въ волненьи бурь
народныхъ

Предвидя чудный свой
удѣль,

Въ его надеждахъ благо-
родныхъ
Ты человекство презрѣлъ—
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣрвалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ,
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась
силъ;
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ
ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.
Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ по-
зоромъ
Тотъ малодушный, кто въ
сей день

Безумнымъ возмутить укро-
ромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! ты русскому народу
Высокій жребій указаль
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль.

Эти „самыя сносныя“ стро-
фы поэтъ однако сопровож-
дилъ въ 1823 году такимъ
многозначительнымъ коммен-
таріемъ, который свидѣтель-
ствуетъ о переломѣ въ его
либеральномъ настроеніи: „эта
строфа нынѣ не имѣетъ смы-
сла, но она писана въ нача-
лѣ 1821 года ¹⁾.—Впрочемъ,
это мой *последній либе-
ральный бредъ*: я закаялся

¹⁾ Не совсѣмъ точно: Наполеонъ
умеръ 23 апрѣля 1821 года, Пуш-
кинъ же узналъ о его смерти только
въ іюлѣ этого года.

и написалъ на дняхъ подраженіе басни умѣреннаго демократа І. Х. (изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя).

Къ 1821 году относится „последній либеральный бредъ“ поэта, ничуть не измѣнившего своихъ политическихъ взглядовъ, но разувѣрившагося въ возможности ихъ осуществленія, признавшего свои политическія мечтанія всего только „либеральнымъ бредомъ“. Черновикъ письма объясняетъ и причину разочарованія въ мечтаніяхъ: „на дняхъ я закаялся и, смотря и на западъ Европы, и *вокругъ себя*, обратился къ евангельскому источнику, произнесъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Иисусовой“. Восторженно отнесшійся къ возстанію грековъ въ 1821 году,

Пушкинъ скоро разочаровался въ самыхъ грекахъ и въ 1824 году писалъ: „Греція мнѣ огадила. О судьбѣ грековъ позволено разсуждать, какъ о судьбѣ моеѣ братѣи негровъ; можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей—это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали намъ о Фемистоклѣ и Периклѣ, а мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавошниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты ²⁾ скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе.

²⁾ Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому.

Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада, и ты бы со мною согласился“.

Разочаровавшись во многихъ политическихъ дѣятеляхъ и въ народѣ Греціи, Пушкинъ разочаровался и въ западномъ освободительномъ движеніи и въ русскомъ: оппозиція и качественно и количественно слишкомъ незначительна, и дѣятельность ея тѣмъ бессмысленнѣе, что „народы тишины хотятъ и долго ихъ яремъ не треснетъ“.

„Мирные народы“ не понимаютъ проповѣди свободы:

Къ чему стадамъ дары
свободы?

Ихъ должно рѣзать или
стричь.

А потому—„паситесь“.

Съ восторгомъ прислушивавшійся къ разговорамъ декабристовъ въ 1821 году и, почти совпадая съ ними въ политическихъ взглядахъ, мечтавшій попасть въ Тайное общество, въ 1823—1824 г.г. Пушкинъ все дальше отходить отъ активности и героизма декабристовъ, противопоставляя ихъ проповѣди активнаго возстанія свой политической квіэтизмъ, свою притчу:

Паситесь, мирные народы!..

Политическій пессимизмъ, если такъ можно выразиться, овладѣваетъ Пушкинымъ въ 1823—1824 годахъ, „святая Русь“ становится ему „не втерпежь“; онъ мечтаетъ „взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотреть на Константинополь“.

Но поэту не только приходится оставаться на святой Руси, а еще и испытывать уколы русского вельможества въ лицѣ графа Воронцова. И своеобразное успокоеніе въ своемъ пессимизмѣ Пушкинъ находитъ въ девизѣ *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*. Только ухудшеніе, только невыносимый, непереносимый гнетъ заставить проснуться русское общество и народъ. Въ отвѣтъ на письмо князя Вяземскаго о перемѣнахъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и въ цензурѣ Пушкинъ пишетъ: „Давно девизъ всякаго русскаго есть *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*. Оппозиція русская, составившаяся, благодаря Русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, при-

ходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я изподтишка поддразнивалъ, ожидая чего нибудь... А теперь, какъ позволять Фитъ Глинкѣ ¹⁾ говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, ²⁾ вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ вратъ своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ "...

Въ своемъ пессимизмѣ, желчно настроенный, Пушкинъ въ 1823 году начинаетъ писать крупный сатирическій

¹⁾ Фита Глинка—русскій поэтъ Федоръ Николаевичъ Глинка (1786—1880 г.)

²⁾ Пушкинъ въ своемъ письмѣ ничуть не преувеличилъ цензурныя придирки въ либеральное царствованіе Александра I-го.

романъ („Евгеній Онѣгинъ“ задуманъ и начатъ былъ именно какъ сатирической, и только съ теченіемъ времени лиризмъ и склонность Пушкина къ эпосу совершенно вытѣснили сатиру).

Совершенно неожиданна для Пушкина была ссылка въ Михайловское, какъ результатъ его непріятностей съ графомъ М. С. Воронцовымъ и письма объ аееизмѣ. Этотъ тупой ударъ поэтъ болѣзненно почувствовалъ и воспринялъ не только какъ строгую мѣру, но и какъ мѣру несправедливую, незаслуженную, настигшую его въ то именно время, когда онъ ничего не писалъ противъ правительства вслѣдствіе того, что разувѣрился въ освободительномъ движеніи. Въ воображаемомъ разговорѣ

съ Александромъ I Пушкинъ возмущенно говорилъ: „Какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу, можно ли школьническую шутку взвѣшивать, какъ преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ бы всенародную проповѣдь?

Ссылка въ Михайловское не только еще болѣе озлобила Пушкина и возстановила его противъ Александра I-го и правительства, но и усилила въ поэтѣ сознаніе невозможности неравной и бессмысленной открытой борьбы. Это сознаніе окончательно крѣпнетъ въ Пушкинѣ въ 1825 году, когда онъ, посылая Жуковскому черновикъ письма къ императору, сопровождаетъ его такимъ характернымъ признаніемъ: „Вя-

земскій пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отношеніи властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. (Карамзину) два года ничего не писать противъ правительства и не писалъ. Кинжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. *Теперь же все это мнѣ надоло, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятисотныхъ безъриѣмъ*“. Въ это время Пушкинъ создавалъ свою эпическую трагедію Бориса Годунова, и непокорныя уши либерализма продолжали торчать изъ подъ колпака юродиваго.

Отвѣтъ пришелъ, и „неожиданная милость Его Вели-

чества“ внушила поэту юмористически-саркастическое письмо: „отеческая снисходительность“ и человѣколюбивое сердце императора“ подсажали ему разрѣшеніе Пушкину ѣхать не въ чужія страны и въ столицу, а... во Псковъ.

Вѣсть о декабрьскомъ возстаніи застала Пушкина въ деревнѣ, и поэтъ, сжигая свои записки, свои бумаги, сжигалъ и свои юношескія мечтанія. Декабрьское движеніе всколыхнуло Пушкина и заставило его многое пересмотрѣть, многое перечувствовать и опредѣлить свое положеніе при измѣнившихся условіяхъ.

V.

До Пушкина—въ его Михайловское заточеніе—дошли

въ одно время вѣсти о смерти Александра I-го, возстаніи декабристовъ и восшествіи на престолъ Николая I-го.

Восшествіе на престолъ молодого государя, рыцарскій характеръ котораго былъ всѣмъ извѣстенъ (въ рыцарствѣ Николая I-го никто еще тогда не сомнѣвался, и новый царь очаровалъ и плѣнилъ даже декабристовъ и ихъ несчастныя семьи), вселялъ надежду и въ Пушкина. Поэтъ начиналъ надѣяться, что окончились для него годы преслѣдованій и заточеній, и готовъ былъ „условливаться“ съ новымъ правительствомъ.

Вѣсть о неудачномъ возстаніи декабристовъ, среди которыхъ было много и его

личныхъ друзей, наполняла Пушкина тревогой и за судьбу возставшихъ и за свою судьбу, хотъ онъ и надѣялся, что правительство удостовѣрилось въ непричастности его къ заговору. „Все таки я отъ жандарма еще не ушелъ“, писалъ Пушкинъ: „легко можетъ, уличать меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ“. Однако, Пушкинъ къ тайнымъ обществамъ не принадлежалъ, и это давало поэту поводъ надѣяться, что молодой царь освободитъ его изъ заточенія.

„Теперь положимъ — писалъ поэтъ В. А. Жуковскому, — что правительство и захочетъ прекратить мою ошалу, съ нимъ я готовъ услов-

ливаться (буде условія необходимы), но вамъ (*друзьямъ Пушкина*) рѣшительно говорю—не отвѣчать и не ручаться за меня. *Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.*“

О какихъ условіяхъ говорить Пушкинъ? Шелъ ли онъ на извѣстную сдѣлку, поступаясь своими убѣжденіями или честно заключалъ условія, не идя ни на какіе компромиссы?

Поэтъ временно оставлялъ за собой свободу дѣйствій и ставилъ свое будущее поведеніе въ зависимость отъ общаго направленія дѣятельности новаго царя и—въ частности—отъ его отношенія къ поэту и могъ заклю-

чать условія съ новымъ правительствомъ, *ничуть не измѣняя своимъ прежнимъ политическимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ.*

Пушкинъ не рѣшался просить царя о помилованіи уже по одному тому, что „образъ мыслей“ его былъ извѣстенъ, онъ нисколько не скрывалъ своего либеральнаго, свободолюбиваго образа мнѣній и не предполагалъ измѣнять его, но къ 1826 году въ Пушкинѣ окончательно окрѣпло то, что мы отмѣчали въ немъ и раньше, и что стало расти въ немъ особенно замѣтно съ 1823 года: твердая увѣренность въ бесполезности, а можетъ быть и вредности, попытокъ революціоннымъ путемъ, путемъ группы „заговорщи-

ковъ“, измѣнить существующій государственный строй. „Классъ писателей, писалъ онъ барону А. А. Дельвигу, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнью, нежели къ дѣятельности“. И если этотъ афоризмъ итальянскаго драматурга имѣетъ за собой много оснований, то онъ вполне и безусловно примѣнимъ къ Пушкину, который впередъ отказывался отъ всякой *дѣятельности* противъ правительства, считая ее *безумной*.

Пушкинъ, не измѣняя своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, могъ честно писать, что онъ „желалъ бы вполне и искренно помириться съ правительствомъ“, и въ мирѣ съ правительствомъ указывать послѣднему истинные пути,

проповѣдывать свободу и своей поэзіей вести и правительство и народъ къ лучшему будущему.

Пушкинъ искренно хотѣлъ помириться съ правительствомъ, и только одно опасеніе удерживало его отъ этого шага: Пушкинъ не былъ увѣренъ въ поведеніи правительства въ отношеніи къ возставшимъ декабристамъ, хотя и твердо надѣялся на благородство царя.

Пушкинъ не переставалъ думать о своихъ друзьяхъ и ставилъ въ зависимость отъ ихъ участи свою рѣшимость „помириться съ правительствомъ“.

Въ началѣ февраля 1826 года поэтъ писалъ барону А. А. Дельвигу: „Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія

участи несчастныхъ и обна-
родованіе заговора. Твердо
надѣюсь на великодушіе мо-
лодого нашего царя. Не бу-
демъ ни суевѣрны, ни одно-
сторонни, какъ французскіе
трагики, но взглянемъ на
трагедію взглядомъ Шекспи-
ра“. Шекспиръ научилъ Пуш-
кина объективно смотрѣть на
вещи и понимать историче-
скую закономерность и не-
избѣжность.

Тревогу за участь декаб-
ристовъ съ полной надеждой
на счастливый для нихъ ис-
ходъ дѣла высказываетъ
Пушкинъ и 20 февраля:
„Мнѣ сказывали, что 20-го,
т. е. сегодня, участь ихъ
должна рѣшиться,—сердце не
на мѣстѣ, но крѣпко надѣ-
юсь на милость царскую.
Мѣры правительства доказа-

ли его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство может пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ...“

Время шло, заключенные не были осуждены, и это давало Пушкину полную увѣренность, что его надежда „на милость царскую“ не тщетна, и въ мартѣ 1826 года поэтъ наконецъ написалъ полу-официальное письмо, которое должно быть подано новому государю.

Письмо написано въ высшей степени сдержанно, честно и говорить объ условіяхъ, которыя Пушкинъ предлагаетъ новому правительству, нисколько не идя на компромиссы.

„Вступленіе на престолъ Государя Николая Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть, Его Величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. *Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей, политическій и религіозный, я храню его про самага себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости*“.

Черезъ четыре мѣсяца послѣ этого сухого письма— 24 іюля—Пушкинъ услышалъ о казни Рылѣева, Пестеля, Каховскаго, Муравьева и Бестужева, и эта вѣсть была для поэта больнымъ ударомъ. Мысль о повѣщенныхъ декабристахъ-мученикахъ не перестаетъ мучить и волновать

его: онъ во снѣ видитъ несчастныхъ мучениковъ, картины казни преслѣдуетъ его, и въ это время въ его черновикахъ встрѣчается одинъ и тотъ же рисунокъ висилицы; сбоку одного рисунка Пушкинъ записываетъ: „и я бы могъ, какъ шутъ, на“...

Поэтъ хочетъ примириться съ этою ужасной мыслью и теперь надѣется, что казнь декабристовъ будетъ единственной искупительной жертвой: „Вотъ каково море наше хваленое“!—писалъ онъ 14-го августа князю П. А. Вяземскому: „Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна“.

Въ отвѣтъ на слова князя П. А. Вяземскаго о холод-

ности и сухости письма, предназначеннаго для Николая I-го, Пушкинъ пишетъ: „Ты находишь письмо мое холоднымъ и сухимъ. Иначе и быть не возможно. Благо написано. *Теперь у меня перо не повернулось бы*“.

Подчеркнутая нами фраза является не просто фразой: поэтъ связывалъ свою судьбу съ судьбой друзей—декабристовъ, и когда писалъ официальное письмо Жуковскому, онъ твердо надѣялся на великодушіе и благородство молодого государя.

Въ ночь съ 3 на 4 сентября Пушкинъ въ сопровожденіи фельдъегеря выѣхалъ, по высочайшему повелѣнію, въ Москву и 8 сентября пріѣхалъ въ Москву. Пуш-

кинъ не зналъ навѣрное, съ какою цѣлью его вызываютъ въ Москву, и предстоящая встрѣча съ государемъ волновала поэта.

Николай I и графъ Бенкендорфъ приготовили Пушкину весьма радушную встрѣчу: свой приемъ уловленія людей очарованіемъ Николай I примѣнилъ и къ свободолюбивому поэту и... очаровалъ его. Пушкинъ увидѣлъ въ молодомъ государѣ новаго Петра Великаго—свой кумиръ—и простилъ ему даже жесточайшій ударъ, испытанный имъ—казнь и каторгу декабристовъ.

22 декабря 1826 года Пушкинъ привѣтствовалъ Николая I-го своими „Стансами“:

Въ надеждѣ славы и добра

Гляжу впередъ я безъ
боязни:

Начало славныхъ дней
Петра

Мрачили мятежи и казни.

Но правдой онъ привлекъ
сердца,

Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Дол-
горукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣ-
щенье,

Не презиралъ страны род-
ной:

Онъ зналъ ея предназна-
ченье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плот-
никъ,

Онъ всеобъемлющей душой

На тронѣ вѣчный былъ
работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь
же гордъ,
Во всемъ будь пращурю
подобень:

Какъ онъ, неутомимъ и
твердъ,

И памятью, какъ онъ,
незлобень.

Пушкинъ хотѣлъ вѣрить,
что царствованіе Николая I-го
будетъ царствованіемъ Пе-
тра I-го, хотѣлъ увѣрить и
Николая I-го, что онъ дол-
женъ быть подобень своему
пращурю...

Послѣдующіе годы близос-
ти Пушкина къ двору Ни-
колая I были исторіей разо-
чарованія поэта въ государѣ,
и онъ все болѣе и болѣе
переходилъ въ оппозицію, но въ

первый моментъ поэтъ искренно былъ очарованъ Николаемъ I.

VI.

Николай I, обласкавъ великаго поэта и очаровавъ его, самъ не былъ очарованъ Пушкинымъ, къ которому и послѣ смерти поэта сохранилъ недружелюбное чувство и память, хотя и часто выражалъ свое милостивое вниманіе.

Отъ проницательнаго взгляда императора не укрылись лучшія благородныя стороны въ Пушкинѣ, и онъ сразу понялъ, насколько прочно можно держать Пушкина въ плѣну, обезопасить его, играя на этихъ струнахъ.

Ссылный поэтъ-геній—талантъ Пушкина понималъ и эстетически - невоспріимчивый

Николай—гонимый и озлобленный, представлялъ гораздо большую опасность, чѣмъ поэтъ обласканный и облагодѣтельствованный, очарованный рыцаремъ-государемъ.

Царь могъ тѣмъ легче даровать поэту „милость“—освобожденіе отъ общей цензуры, что эта „милость“ являлась весьма обоюдоострой: вмѣсто обычнаго цензора, который могъ оказаться и недостаточно проницательнымъ, Пушкинъ былъ подвергнутъ милостивой цензурѣ сперва шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа, искуснаго въ сыскѣ, затѣмъ царской цензурѣ (а часто къ этой двойной цензурѣ прибавлялась и третья—общая).

Поэтъ, связанный своимъ словомъ, даннымъ государю

(несмотря на выражаемое до-
вѣріе, у Пушкина все таки
взяли честное слово и посто-
янно напоминали ему о дан-
номъ словѣ), и постоянно на-
ходящійся подъ наблюденіемъ,
подъ присмотромъ,—былъ го-
раздо безопаснѣе поэта, на-
ходящагося въ свободномъ
Михайловскомъ заточеніи.

Николай I освободилъ и
обласкалъ поэта, но отдалъ
его подъ опеку графа А. Х.
Бенкендорфа, которому было
вмѣнено въ обязанность слѣ-
дить буквально за каждымъ
шагомъ Пушкина. При этомъ
Николай I принялъ очень
опредѣленно - двусмысленную
позицію въ отношеніи къ
Пушкину: всѣ милости сыпав-
шіяся на Пушкина, исходили
непосредственно отъ государя,
всѣ же выраженія недоволь-

ства и „нагоняи“ Николай I передавалъ *черезъ Бенкендорфа*, и такимъ образомъ поэтъ, испытывая большія и тяжелыя непріятности отъ государя, могъ считать виновникомъ ихъ Бенкендорфа, а къ государю могъ сохранить признательное чувство и восторженное отношеніе.

Пушкинъ былъ поставленъ въ ложное, двусмысленное положеніе: съ одной стороны ему говорили, что довѣряютъ его „честному слову дворянина“, съ другой стороны—его отдавали подъ самый бдительный полицейскій надзоръ, который былъ снятъ очень нескоро послѣ смерти поэта.

Когда въ 1830 году Пушкинъ, собираясь жениться, про-

силъ вывести его изъ ложнаго и двусмысленнаго положенія поднадзорнаго, онъ получилъ такое объясненіе графа Бенкендорфа: „Что касается до вашего личнаго положенія въ отношеніи къ правительству, то я могу повторить только то, что много разъ говорилъ вамъ: я нахожу его совершенно въ вашихъ интересахъ; въ немъ нѣтъ ничего ни ложнаго, ни двусмысленнаго, если вы не захотите его такимъ сдѣлать. Его Величество Императоръ въ своемъ отеческомъ попеченіи о васъ, Милостивый Государь, поручилъ мнѣ, генералу Бенкендорфу, не какъ шефу жандармовъ. а какъ человѣку, которому онъ передалъ свое довѣріе наблюдать за вами и руководить

вась своими совѣтами; никогда никакая другая полиція не получала приказаній наблюдать за вами“. И даже послѣдняя фраза не соответствуетъ дѣйствительности, отеческая же заботливость и руководство генерала Бенкендорфа были неизмѣнно кошмарными для поэта, который понявъ въ концѣ концовъ, въ какую золотую клѣтку—тюрьму попалъ онъ. Много разъ поэтъ хотѣлъ освободиться изъ этой клѣтки, метался въ ней и каждый разъ убѣждался въ томъ, что дверца клѣтки плотно захлопнулась...

Поэтъ, искренно очарованный Николаемъ I, внутренне нисколько не измѣнился и не пересталъ быть либеральнымъ, но можетъ быть нѣсколько

измѣнилъ свою линію поведе-
нія: Александру I-му поэтъ
подсвистывалъ до конца смер-
ти его, на царствованіе Ни-
колая I-го онъ смотритъ „въ
надеждѣ славы и добра“ и
хочетъ подѣйствовать и на
государя и внушить ему доб-
рых побужденія. Друзья поэ-
та, не одобрявшіе близости
Пушкина ко двору, видѣвши
въ этой близости м. б. то, чего
еще Пушкинъ не видѣлъ,
несправедливо упрекали его
въ лести государю. Въ отвѣтъ
на эти упреки Пушкинъ на-
писалъ стансы „Друзьямъ“,
въ которыхъ между прочимъ
говорилъ:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда
 царю
Хвалу свбодную слагаю,
Я смѣло чувства выражаю,

Языкомъ сердца говорю.
Его я просто полюбилъ:
Онъ добро, честно править
нами:
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, тру-
дами.
Я льстецъ? Нѣтъ, братья,
льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя назоветъ,
Онъ изъ его державныхъ
правъ
Одну лишь милость ограничить.
Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья
плодъ—
Развратъ и нѣкій духъ мя-
тежный!
Такъ скажетъ льстецъ.
вольнлюбивый же поэтъ го-
ворить обратное: царь дол-
женъ быть милостивымъ, не
презирать народъ и распро-

странять просвѣщеніе—залогъ развитія страны. И объ этомъ обратномъ говорятъ стансы „Друзьямъ“, исполненные восторженнаго, но не льстиваго отношенія къ Николаю I, и—любопытная вещь—печатаніе стансовъ было запрещено государемъ.

Стансы „Друзьямъ“ написаны въ началѣ 1828 года (въ январѣ), „Стансы“—Въ надеждѣ славы и добра—въ концѣ 1826 года (22 декабря), а между ними стоятъ „Посланіе въ Сибирь“, въ которомъ поэтъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что не пропадетъ „скорбный трудъ и думъ высокое стремленье“ декабристовъ и свобода ихъ приметъ радостно у входа, „Аріонъ“, посвященный памяти декабристовъ и сви-

дѣтельствующій о томъ, что поэтъ „гимны прежніе“ поетъ, и привѣтствіе декабристамъ— „19 октября 1827“.

Еще въ концѣ 1826 года (14 декабря) Бенкендорфъ передалъ Пушкину совѣтъ государя передѣлать „Бориса Годунова“ въ романъ или поэму и запрещеніе печатать трагедію, и тогда же начались мелкіе уколы самолюбія Пушкина, раздражавшіе поэта. Въ 1827 году они усилились. Въ началѣ года поэтъ получилъ нагоняй за посредничество Дельвига въ сношеніяхъ поэта съ шефомъ жандармовъ (Дельвигъ просилъ разрѣшенія печатать Пушкинскія стихотворенія) и за упоминаніе именъ нѣкоторыхъ друзей въ стихотвореніи „19 октября“ (1825). Гораздо

оскорбительнѣе былъ отвѣтъ на просьбу Пушкина о разрѣшеніи съѣздить весною 1827 года въ Петербургъ. Бенкендорфъ писалъ Пушкину 3 мая: „Его Величество, соизволяя на прибытіе ваше въ С.-Петербургъ, Высочайше отозваться изволилъ, что не сомнѣвается въ томъ, что данное Русскимъ дворяниномъ Государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано“. И въ поэтѣ начинало копиться сильное раздраженіе противъ властей.

Пушкинъ поѣхалъ въ Петербургъ и забылъ о непріятностяхъ. вновь обласканный и очарованный Николаемъ I, и написалъ стансы „Друзьямъ“ (въ январѣ 1828 г.)

Гораздо тяжелѣе для Пушкина былъ 1828 годъ—одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ годовъ всей его жизни.

Осенью 1826 года началось дѣло о распространеніи стихотворенія Пушкина „Андре Шенье“, написаннаго въ 1825 году, дозволеннаго (съ пропусками) цензурой 8 октября 1825 г., напечатаннаго въ собраніи сочиненій Пушкина 1826 года: у А. Леопольдова былъ обнаруженъ полный списокъ этого стихотворенія съ помѣтой „на 14 декабря 1825 г.“. Такіе же списки были найдены у офицеровъ Алексѣева и Молчанова—и въ результатѣ для Пушкина возникло очень непріятное дѣло, начавшееся въ 1826, тянувшееся весь 1827 и не закончив-

шееся даже въ 1828 году. Пушкина много разъ допрашивали, и дѣло грозило не только затянуться, но и повести къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Дѣло принимало, дѣйстви-тельно, неблагопріятный обо-ротъ. Пушкинъ почувствовалъ себя вновь гонимымъ и затравленнымъ и въ тяжелую весну 1828 года метался, потерявъ душевный покой и присущее ему равновѣсіе, и впалъ въ безнадежно мрачное состояніе духа.

Обстоятельства--личной, сердечной жизни и отношенія къ правительству—складывались такъ, что ничто не могло вывести Пушкина изъ мрачной душевной тюрьмы.

Въ началѣ апрѣля Пушкинъ просится объ определе-

ніи его въ дѣйствующую армію (въ войнѣ съ турками): Бенкендорфъ приглашаетъ явиться поэта 18 апрѣля; поэтъ является—и его не принимаютъ. Въ тотъ же день онъ письменно спрашиваетъ, будетъ ли ему разрѣшенъ отпускъ въ армію: черезъ день—20 апрѣля—получаетъ высочайшій отказъ. На другой же день—21 апрѣля—поэтъ проситъ отпуска на 6—7 мѣсяцевъ въ Парижъ—и черезъ день посланецъ Бенкендорфа приноситъ вновь отказъ.

И въ эту тяжелую безпросвѣтную весну Пушкинъ пишетъ свое „26 мая 1828“:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной вла-
стью

Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ стра-
стью,

Умъ сомнѣньемъ взволно-
валъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Въ мартѣ 1828 года дѣло о распространеніи стиховъ Андре Шенье было внесено въ Сенатъ и принимало неблагоприятный оборотъ для поэта, а въ іюнѣ возникло и новое судебное дѣло—и еще болѣе неприятное—о „Гавриладѣ,“ поэмѣ, написанной Пушкинымъ въ 1822 году.

27 іюля Николай I утвердилъ приговоръ сената по дѣлу стиховъ А. Шенье. Сенатъ призналъ стихотвореніе „очень соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ“ и постановилъ: „избавя Пушкина отъ суда, обязать подпискою, дабы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику.“ Государственный совѣтъ, согласившись съ отзывомъ сената, въ свою очередь считалъ необходимымъ учредить за поэтомъ еще и секретный полицейскій надзоръ.

Унизительно для Пушкина

было требованіе оберъ-полиціймейстромъ подписки въ томъ, что онъ ничего не будетъ печатать безъ обычной предварительной цензуры: это требованіе подписки явно говорило поэту, что его *честному слову* не довѣряютъ.

И вновь начались допросы—уже по дѣлу „Гавриліады.“

Безмѣрно тяжель для Пушкина былъ августъ 1828 года. Въ этомъ мѣсяцѣ Пушкинъ дважды допрашивался петербургскимъ военнымъ генералъ - губернаторомъ (П. В. Голенищевымъ - Кутузовымъ) по дѣлу „Гавриліады.“ въ этомъ мѣсяцѣ закончилось дѣло о распространеніи стиховъ А. Шенье, при чемъ отъ поэта была отобрана подписка о непечатаніи стиховъ

безъ общей предварительной цензуры и учрежденъ за нимъ секретный полицейскій надзоръ.

Пушкинъ отрицалъ свое авторство „Гавриліады,“ дѣло доходило до государя, поэта не переставали беспокоить допросами, и онъ почувствовалъ себя затравленнымъ, загнаннымъ. Тяжелый камень легъ на душу поэта, мрачное настроеніе котораго въ августѣ нашло себѣ выраженіе въ стихотвореніи „Предчувствіе:“

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ пре-
зрѣнье?
Понесу ль на встрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье

Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомлен-
ный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасен-
ный,
Снова пристань я найду...

Пушкинъ мрачно смотрѣлъ на будущее, понимая, что „Гавриліада“ можетъ оказать-ся болѣе роковой для него, чѣмъ „Андрей Шенье въ темницѣ.“ Дѣло приняло одна-ко другой оборотъ: на докладъ комиссіи, представленный го-сударю вмѣстѣ съ письмен-нымъ показаніемъ Пушкина, въ которомъ послѣдній отри-цалъ свое авторство, государь отмѣтилъ, что, зная Пушקי-на, вѣрить его слову, но желаетъ, чтобы поэтъ помогъ правительству обнаружить ви-

новнаго—автора кощувственной „Гавриліады.“ Николай I не ошибся въ своихъ расчетахъ поймать Пушкина на благородствѣ: поэтъ не могъ перенести, чтобы вѣрили его слову, невѣрно данному, и просилъ позволенія писать непосредственно государю.

Дѣло было похоронено. Поэтъ вырвался изъ Петербурга, и въ Тверской деревнѣ Вульфъ—въ Малинникахъ отдохнулъ отъ тяжелыхъ неприятностей, перенесенныхъ въ 1828 году.

Петербургъ сталъ невыносимъ для Пушкина и, по возвращеніи изъ Малинниковъ, онъ недолго оставался въ столицѣ: въ мартѣ 1829 года поэтъ уѣхалъ въ Москву и 1 мая (послѣ полуотказа

матери Н. Н. Гончаровой) на Кавказъ.

Инструкціи объ установленіи строжайшаго полицейскаго надзора за Пушкинымъ на Кавказъ далеко опережали его. На Кавказъ полиція, исполняя предписаніе свыше, слѣдила буквально за каждымъ шагомъ Пушкина.

Насколько боялись вольномыслія Пушкина и его возможнаго вліянія на армію, видно изъ письма Бенкендорфа—нагоняя поэту за то, что онъ, при томъ съ разрѣшенія Паскевича, выѣхалъ изъ Тифлиса въ Арзерумъ, въ закавказскую армію. 14-го октября 1829 года (Пушкинъ вернулся въ Москву въ сентябрѣ) графъ А. Х. Бенкендорфъ писалъ поэту: „Милостивый Государь Александръ Сергѣ-

евичъ! Государь Императоръ узналъ по публичнымъ извѣстіямъ, что вы, Милостивый Государь, странствовали за Кавказомъ и посѣщали Арзерумъ, Высочайше повелѣть мнѣ изволилъ спросить Васъ, по чьему позволенію предприняли вы сіе путешествіе. Я же съ своей стороны покорнѣйше прошу Васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили Вы сдержать даннаго мнѣ слова и отправились въ закавказскія страны, не предувѣдомивъ меня о намѣреніи вашемъ сдѣлать сіе путешествіе.“

Уши торчали изъ подъ колпака юродиваго. И этихъ ушей правительство боялось, считало поэта опаснымъ для себя и было въ извѣстной

степени болѣе дальновидно, чѣмъ многіе друзья Пушкина.

VII.

1830 годъ явился для Пушкина продолженіемъ непріятностей, испытанныхъ имъ въ 1828 и 1829 годахъ. Дѣло о распространеніи стиховъ А. Шенье продолжало тянуться. Продолжались учтивыя нагоняи и головомойки графа Бенкендорфа поэту, выражавшему свободулюбіе въ творчествѣ и стремившемуся къ независимости въ личной жизни.

Пушкина не притягивала къ себѣ широкая общественно-политическая дѣятельность, которой онъ въ общемъ мало довѣрялъ (несмотря на то, что мечталъ въ это время о періодическомъ общественно-политическомъ изданіи), но

постоянная поднадзорность и зависимость отъ Двора были невыносимо тягостными для него.

Лишеніе личной свободы— съ этимъ поэтъ не могъ примириться—и 7-го января 1830 года просилъ черезъ Бенкендорфа разрѣшенія уѣхать во Францію или въ Италію, или—если на это не послѣдуетъ соизволенія—поѣхать въ Китай вмѣстѣ съ отправлявшеюся туда миссіей. Надежда поэта вырваться изъ подъ опеки шефа жандармовъ не осуществилась: заботливые опекуны (Николай I и Бенкендорфъ) не позволили ему отправиться въ чужіе края, „полагая, что это слишкомъ затруднить его денежныя дѣла и въ то же время отвлечетъ его отъ его занятій“. Не послѣдовало Высочайшаго со-

изволенія и на поѣздку въ Китай..

Пушкина цѣпко держали въ своихъ рукахъ, около себя, и то предлагали перемѣнять „нѣкоторыя слишкомъ тривіальныя мѣста“ въ его произведеніяхъ (въ „Борисѣ Годуновѣ“), то выражали недовольство тѣмъ, что Пушкинъ былъ у посла во фракѣ, а не въ мундирѣ, въ кокоромъ „приличнѣе Русскому дворянину являться въ подобныя собранія“; самовольная поѣздка поэта въ Москву давала поводъ къ подозрѣчіямъ и вызывала нагоняи со стороны Бенкендорфа, просьба же о разрѣшеніи съѣздить въ Полтаву и навѣстить Н. Н. Раевского—не только запрещеніе, но и морали: „мои добрые совѣты—говоритъ Бен-

кендорфъ Пушкину—заставятъ Васъ избѣгнуть ложныхъ шаговъ, которымъ Вы подвержены такъ часто, когда не спрашиваете моего мнѣнія“.

Подобные нагоняи и придирки становились Пушкину „не въ терпежь“, и онъ, получивъ 6 апрѣля согласіе Н. Н. Гончаровой, просилъ освободить его изъ подъ надзора опеки, вывести изъ того двусмысленнаго и ложнаго положенія, въ которомъ онъ находился. Мы знаемъ уже, какая судьба постигла его просьбу. Поднадзорный, подозрѣваемый, „облагодѣтельствованный“ поэтъ остался подъ бдительнымъ надзоромъ, птичку не выпускали изъ клѣтки.

Свободолюбивый поэтъ, въ юности жертвовавшій лирою

лишь свободѣ, не измѣняли своимъ прежнимъ либеральнымъ взглядамъ и думы свои посвящали освобожденію народа. Непріятности съ Дворомъ (въ особенности съ всеильнымъ Бенкендорфомъ) озлобляли его и заставляли меньше довѣрчиво относиться къ начинаніямъ правительства, смотрѣть на будущее съ меньшей „надеждой славы и добра“, но онъ былъ еще далекъ отъ разочарованія въ Николаѣ I, вѣрилъ еще, что правительство будетъ осуществлять въ жизни завѣтныя мечтанія либеральной части русскаго общества. 16 марта 1830 года Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Государь уѣзжая оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революціи Револю-

ліи Петра. Вотъ тебѣ случайписать политическій памфлетъ, и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ Европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, *новыя права мѣщанъ и крепостныхъ*—вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу“...

Пріѣздъ государя въ холерную Москву (29 сентября 1830 года) вызвалъ восторгъ въ Пушкинѣ, и онъ писалъ Вяземскому (5 ноября): „Каковъ Государь! того и гляди что нашихъ каторжниковъ простить—дай Богъ ему здоровья!“

Осенью 1830 года въ Болдинѣ Пушкинъ не перестаетъ

думать о „каторжникахъ“— декабристахъ и посвящаетъ имъ X-ую главу „Евгенія Онѣгина“. Пушкинъ понималъ, какъ должно отнестись русское „просвѣщенное“, „европейское“ правительство къ его десятой главѣ—и сжегъ ее, записавъ особымъ шифромъ (часть этого шифра оказалась въ бумагахъ покойнаго академика Л. Н. Майковья).

Творчество Пушкина въ Болдинскую осень 1830 года служить лучшимъ отвѣтомъ тѣмъ, кто задается вопросомъ—не измѣнилъ ли Пушкинъ своимъ былымъ либеральнымъ взглядамъ и не перешелъ ли въ лагерь консерваторовъ—и склоненъ отвѣчать на него положительно.

Пушкинъ, довѣряя или—

какъ это можно утверждать съ большимъ основаніемъ— желая довѣрять, *полудовѣряя* просвѣщенному правительству Николая I-го, могъ думать, что его творчество въ это время (за исключеніемъ такихъ вещей, конечно, какъ сожженная X-ая глава „Евгенія Онѣгина“) не было оппозиціоннымъ, но по существу оно шло въ разрѣзъ съ политикой правительства.

„Шалость“ (Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый), „Повѣсти Бѣлкира“ и „Исторія села Горюхина“ или „Горюхина“ (и зъ особенности сатирическая „Исторія“) свидѣтельствуютъ о томъ, что Пушкинъ все такъ-же сострадательно и сочувственно относился къ обиженнымъ и угнетеннымъ,

такъ же какъ раньше меч-
тая объ освобожденіи крестьянъ
отъ рабства, о „новыхъ
правахъ мѣщанъ и крепост-
ныхъ“, о которыхъ мало за-
ботилось правительство Ни-
колая I-го.

Пока еще Пушкинъ могъ
не считать себя оппозиціон-
ныхъ писателемъ, ибо могъ
повторять свое юношеское
восклищаніе:

Увижу ль я, друзья, на-
родъ неугнетенный
И рабство, падшее по ма-
нію царя.
И надъ отечествомъ сво-
боды просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ,
прекрасная заря?

VIII.

18 февраля 1831 года
Пушкинъ женился на Н. Н.

Гончаровой, и для него началась новая полоса жизни, наиболее сложная и въ концѣ концовъ—мучительная и запутанная.

Первый годъ новой жизни—1831-ый—былъ самымъ безоблачнымъ (передъ женитьбой самымъ тяжелымъ ударомъ для Пушкина была смерть лучшаго его друга—барона А. А. Дельвига), и единственнымъ желаніемъ поэта въ то время, по его словамъ, было—„чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось: лучшаго не дождусь“. Отношенія Пушкина съ правительствомъ въ этомъ году были также наиболее благоприятныя: Пушкинъ почти не получалъ „нагоняевъ“ отъ Бенкендорфа и все болѣе и болѣе привязывался къ государю. Несмотря

на искреннюю любовь къ Николаю I, Пушкинъ не относился къ нему слѣпо и радовался за государя, „когда поступаетъ онъ умно и по царски“ ...

Лѣто 1831 года поэтъ проводилъ въ Царскомъ Селѣ, и близость Двора, ласкавшего его, а главное старшаго друга—Жуковскаго, оказали свое вліяніе на него. Въ Петербургѣ разразилась холера, Царское Село было оцѣвлено карантинами, и поэтъ, отрѣзанный отъ всего міра, начиналъ было смотрѣть на происходящія событія сквозь призму Двора и Жуковскаго и писать „патріотическія“ стихотворенія, временно отказавшись отъ чистой лирики, послушный законамъ аполлоническаго творчества (поэтъ

никогда не писалъ во время сильныхъ душевно-личныхъ, сердечныхъ переживаній о послѣднихъ и признавался въ „Онѣгинѣ“ въ томъ, что онъ „любя, былъ глупъ и нѣмъ“).

Польское возстаніе Пушкину представлялось бунтомъ, и уже черезъ недѣлю по перѣздѣ въ Царское Село (1 іюня) онъ писалъ по поводу гибели Крженецкаго въ сраженіи 14 мая: „Офицеры наши видѣли, какъ онъ при скакалъ на своей бѣлой лошади, пересѣлъ на другую, бурую и сталъ командовать— видѣли, какъ онъ, раненый въ плечо, уронилъ палашъ и самъ свалился съ лошади, какъ вся его свита кинулась къ нему и посадила опять его на лошадь. Тогда онъ за пѣлъ Еще польска не сти-

нела, и свита его начала вторить, но въ ту самую минуту другая пуля убила въ толпѣ польскаго маіора, и пѣсни прервались. Все это хорошо въ поэтическомъ отношеніи—*Но все таки ихъ надобно задушить, и наша медленность мучительна.* Для насъ мятежъ Польши есть дѣло семейственное, старинная наслѣдственная распря, мы не можемъ судить ее по впечатлѣніямъ Европейскимъ, каковъ бы ни былъ впрочемъ нашъ образъ мыслей— Но для Европы нужны общіе предметы вниманія и пристрастія, нужны и для народовъ и для правительствъ. Конечно, выгода почти всѣхъ правительствъ держаться въ семь случаѣхъ non-intervention, т. е. избѣгать въ чужомъ

пиру похмѣлія; но народы такъ и рвутся, такъ и лаять—того и гляди, навяжется на насъ Европа“. И Пушкинъ обращается къ европейскимъ „Клеветникамъ Россіи“ съ сатирой-одой, въ которой говоритъ о „вѣрномъ россѣ“ и „кичливомъ ляхѣ“ и съ „Бородинской годовщиной“—одой на взятіе Варшавы.

Такое отношеніе Пушкина къ польскому возстанію не должно насъ удивлять: такое же отношеніе къ польскимъ событіямъ высказывала и большая часть либеральнаго русскаго общества и, между прочимъ, такой либераль, какъ П. Я. Чаадаевъ. Но вліяніе Двора сказалось и на полуофіціальномъ патріотизмѣ и на той несвойственной Пушкину жесткости, какою онъ

проявилъ въ отношеніи къ польскимъ событіямъ.

Лѣтомъ 1831 года Пушкинъ былъ близокъ ко Двору. Опре-дѣленіе поэта въ половинѣ іюля въ коллегію иностран-ныхъ дѣлъ (съ назначеніемъ содержанія) и разрѣшеніе за-ниматься въ архивахъ (для составленія исторіи Петра Ве-ликаго) еще болѣе прибли-зило Пушкина къ государю, который былъ очень мило-стивъ съ нимъ и обратилъ свое милостивое вниманіе на его красавицу-жену.

Въ іюлѣ же Пушкинъ предполагалъ заняться изда-ніемъ политическаго и лите-ратурнаго журнала и, прося черезъ Бенкендорфа разрѣ-шенія на изданіе такого жур-нала, думалъ, что его жур-наль будетъ полезнымъ пра-

вительству, такъ какъ онъ соединилъ бы около журнала „писателей съ дарованіями и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, *напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію*“. Въ этомъ сказалась постоянная, обычная тактика Пушкина, увѣрявшаго правительство, что оно относится доброжелательно къ просвѣщенію и тѣмъ внушавшаго (или желавшаго внушить) правительству такое доброжелательное отношеніе. Желая предупредить возможные возраженія и подозрѣнія, Пушкинъ высказываетъ слѣдующую мысль: „Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (кото-

рыхъ у насъ не существуетъ)“. Разрѣшенія на журналъ не послѣдовало, но Пушкина облагодѣтельствовали назначеніемъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ: Пушкинъ сталъ связанъ окончательно съ правительствомъ и дворомъ и до конца жизни не могъ освободиться отъ этой связи, которая скоро превратилась въ кабальную зависимость.

Лѣтомъ 1831 года Пушкинъ подружился съ Дворомъ, познакомился близко съ высшимъ свѣтомъ и очень скоро разочаровался въ немъ: въ сентябрѣ этого года Пушкинъ передѣлывалъ восьмую (первоначально девятую) главу „Евгенія Онѣгина“ и, очевидно подѣ влияніемъ новыхъ впечатлѣній, радикально из-

мѣнили картину большого свѣта, нарисованную первоначально въ благожелательныхъ тонахъ, и ставшую— послѣ передѣлки— сатирическимъ изображеніемъ высшаго свѣта.

Въ началѣ 1832 года Пушкину пришлось испытать вновь непріятности отъ Бенкендорфа за напечатаніе „Анчара“ (стихотворенія 1828 года), разрѣшеннаго общей цензурой, но безъ цензуры Бенкендорфа: „Анчаръ“ вызвалъ кривотолки и подозрѣнія, въ немъ увидѣли намеки на конституцію (дерево) и самодержавіе (стрѣла)...

IX.

Въ концѣ 1832 года опредѣленно намѣтилось уже расхождение Пушкина съ правительствомъ Николая I-го, и

поэтъ постепенно сталъ переходить въ оппозицію. Иллюзіи Пушкина пропадали, когда онъ болѣе и болѣе сталъ приходить въ соприкосновеніе съ Дворомъ и съ правительствомъ.

6 февраля 1833 года Пушкинъ окончилъ свою повѣсть „Дубровскаго“, котораго можно было бы назвать сатирой на русскій судъ, если бы повѣсть не имѣла эпического тона; но отдѣлывать и переписывать „Дубровскаго“ Пушкинъ былъ уже не въ состояніи.

Моральное состояніе духа поэта было угнетенное: по утрамъ онъ перебиралъ старыя письма, а по вечерамъ сопровождалъ свою красавицу-жену на балы; петербургская придворная среда душила

его, и онъ признавался П. В. Нащокину въ томъ, что путешествіе нужно ему „нравственно и физически“.

Пушкинъ съ начала года мечталъ о путешествіи, но осуществить его поэту удалось только въ концѣ августа (18 го), когда онъ уѣхалъ въ Казань, Симбирскъ и Оренбургъ для собиранія матеріаловъ по исторіи Пугачева и Пугачевщины: вновь поэтъ увлекся исторической темой русскаго бунта, которой онъ всегда интересовался и которая въ данный моментъ психологически была особенно близка ему.

Поѣздка въ волжскія губерніи освѣжила Пушкина, не подозрѣвавшаго, конечно, о той усиленной перепискѣ между военными губернато-

рами объ учрежденіи за нимъ секретнаго полицейскаго надзора, которая велась по приказанію свыше.

1 октября (1833) поэтъ пріѣхалъ въ Болдино и уже въ дорогѣ сочинялъ, но и Болдинская глушь въ глубокую осень не давали покоя поэту, котораго безпокоили мысли объ оставленной въ Петербургѣ женѣ, такъ какъ ей государь выказывалъ слишкомъ большое вниманіе.

Въ Болдинѣ Пушкинъ закончилъ и отдѣлалъ „Исторію Пугачева“, въ которой до извѣстной степени вскрылъ и соціальныя причины бунта, и написалъ поэму о „Революціи Петра“—„Мѣднаго Всадника“, не пропущеннаго Высочайшей цензурой...

20 ноября 1833 года Пушкинъ вернулся въ опредѣленно-оппозиціонномъ настроеніи въ Петербургъ и черезъ нѣсколько дней (29 ноября) писалъ о трехъ вещахъ, которыя „справедливо“ осуждается: 1) о выборѣ Сухозанета, въ которомъ государь видѣлъ „только изувѣченнаго воина и назначилъ ему важнѣйшій постъ въ государствѣ, какъ спокойное мѣстечко въ домѣ инвалидовъ“, 2) о дамскихъ мундирахъ и 3) о выдачѣ гвардейскаго офицера Бринкена курляндскому дворянству. О послѣднемъ Пушкинъ писалъ: „Бринкенъ пойманъ въ воровствѣ. Государь не приказалъ его судить по законамъ, а отдалъ его на судъ курляндскаго дворянства. Это зачѣмъ?

Къ чему такое своенравное различіе между дворяниномъ псковскимъ и курляндскимъ, между гвардейскимъ офицеромъ и другимъ чиновникомъ? Прилично ли государю вмѣшиваться въ обыкновенный ходъ судопроизводства? Или нѣтъ у насъ законовъ на воровство? Что, если курляндцы выключать его изъ среды своего дворянства и отошлютъ его, ужъ какъ дворянина русскаго, къ суду обыкновенному?“ И съ этой стороны дѣло Бринкена весьма интересуеть Пушкина, который все время слѣдитъ за этимъ дѣломъ и 3 мая 1834 года записываетъ: “Курляндское *) дворянство отказалось судить Бринкена, потому что

*) Въ подлинникѣ описка: *Лифляндское*.

онъ воспитывался въ корпусѣ въ Петербургѣ. *Вотъ тебѣ шишъ и подъяломъ*“.

Въ началѣ декабря 1833 года поэтъ начинаетъ свои „Мысли на дорогѣ“ съ явную цѣлью—какъ это неопровержимо доказалъ В. Е. Якушкинъ,—скрывшись за ширмы полемики съ Родищевымъ, длинными цитатами напомнить русскому обществу о „врагѣ рабства“ и его свободолюбивыхъ взглядахъ. Форма полемики (иногда весьма рѣзкая) должна была, по расчетамъ Пушкина, обмануть бдительность цензуры, но въ дѣйствительности произошло иначе: дальновидныхъ и искусенныхъ Бенкендорфа и Государя обмануть было трудно, и „Мысли на дорогѣ“ были запрещены, за то гораздо

легче было ввести въ заблужденіе послѣдующихъ изслѣдователей, которые „Мыслями на дорогѣ“—полемикой съ Радищевымъ — обосновывали не оппозиціонность, а *консерватизмъ* Пушкина.

Пушкина все болѣе и болѣе раздражаютъ мѣры полицейскаго правительства („полиція видно занимается политикой, а не ворами и мостовыми“—заноситъ онъ въ своемъ дневникѣ), отношеніе его къ правительству становится все менѣе и менѣе доброжелательнымъ, а въ отвѣтъ на это Государь къ 1 января 1834 года жалуетъ поэта... зъ камеръ-юнкеры. Какъ самое назначеніе, такъ и причины его не могли не задѣть Пушкина. Поэтъ считалъ пожалованіе „неприлич-

нымъ его лѣтамъ“ и объяснялъ его тѣмъ, что „двору хотѣлось, чтобы Наталья Николаевна танцевала въ Аничковѣ“. Камеръ-юнкерство Пушкина вызвало много насмѣшекъ и явилось для него источникомъ многихъ неприятностей.

26-го февраля 1834 года должно быть отмѣчено, какъ начало новыхъ осложненій въ жизни Пушкина и въ его отношеніяхъ къ правительству, приведшихъ, въ числѣ другихъ причинъ, къ трагической и роковой развязкѣ 1837 года: въ этотъ день Пушкинъ написалъ письмо графу Бенкендорфу съ просьбой о выдачѣ ему изъ казны заимообразно двадцати тысячъ для печатанія „Исторіи Пугачевского бунта“ (какъ стала на-

зываются, по приказанію Николая I-го, „Исторія Пугачева“) и тѣмъ опуталь себя денежными обязательствами передъ правительствомъ...

Поэтъ уклонялся отъ исполненія своихъ камеръ-юнкерскихъ „обязанностей“ — являясь во дворецъ, въ февралѣ говорилъ А. Н. Вульфу, что возвращается къ оппозиціи. Записи его въ дневникѣ вполне подтверждаютъ эту „оппозиціонность“ въ настроеніи Пушкина. Такъ, 3 мая онъ записываетъ: „Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, даннаго дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ *одной изъ безчисленныхъ пустыхъ*

мѣрь принимаемыхъ ежедневнѣ къ досадѣ благомыслящихъ и ко вреду правительства“.

А еще черезъ недѣлю (10 мая) поэтъ пишетъ: „Государю неугодно было, что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умиленіемъ и благодарностію. Но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шутомъ не буду и у Царя Небеснаго. Однако, какая глубокая безнравственность въ привычкахъ нашего правительства! Полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ и приносить ихъ читать Царю (человѣку благовоспитанному и честному), и Царь не стыдится въ томъ признаться и давать ходъ интригѣ, достойной Видока и

Булгарина. *Что ни говори, мудроно быть Самодержавнымъ*“.

Письмо Пушкина къ женѣ, распечатанное полиціей и вызвавшее приведенную нами запись въ дневникѣ, объясняетъ, почему оппозиціонность и либерализмъ поэта, отражавшіеся въ его творчествѣ, не переходили въ активный протестъ и оставались въ рамкахъ политическаго квіэтизма, не шли дальше пассивнаго протеста. Нѣкоторыя строки этого письма объясняютъ пресловутое „примиреніе Пушкина съ дѣйствительностью“, толкуемое порою какъ консерватизмъ свободолюбиваго поэта: „... репортуясь больнымъ и боюсь Царя встрѣтить. Всѣ эти праздники пресижу дома. Къ

наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не намѣрень: царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузь и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловаль; третій хоть и уpekъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить съ порфиророднымъ своимъ теской; съ моимъ теской я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ: писать стихи, да ссориться съ Царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, *а плетью обуха не перешибетъ*“.

Исповѣданіе либеральныхъ идеаловъ, свободолюбіе, съ одной стороны, и сознаніе того, что „плетью обуха не перешибешь“, съ другой— вотъ основа политическихъ взглядовъ и настроеній Пушкина, основа, не подвергавшаяся почти никакимъ измѣненіямъ.

Бурно прошелъ для Пушкина іюнь 1834 года. Жизнь въ Петербургѣ, постоянное соприкосновеніе съ Дворомъ, конфликты съ правительствомъ, и въ особенности зависимость отъ Государя и его шефа жандармовъ, зависимость отъ жизни и людей, къ которымъ поэтъ не могъ относиться съ большой симпатіей, стали для него въ концѣ концовъ невиносимы.

18 мая поэтъ писалъ же-

нѣ: „Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣгей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Неприятна зависимость, особенно, когда лѣтъ 20 человекъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропоть на самого себя“. Н. Н. Пушкина не поняла, о какой зависимости идетъ рѣчь, поняла „ропотъ“ мужа, какъ упрекъ ей, и поэтъ объясняетъ: „Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ, но я не долженъ былъ вступать въ службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. За-

зависимость жизни семейственной дѣлаетъ челоуѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виновать я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни“.

Невыносима стала Пушкину петербургская „каторга“, и онъ начиналъ было винить Николая I-го, но потомъ сталъ такъ своеобразно оправдывать государя: „На *того* я пере-

сталъ сердиться, потому что *toute reflexion faite*, не онъ виновать въ свинствѣ, его окружающемъ. А живя въ н(.....), поневолѣ привыкнешь къ г(...), и вонь его тебѣ не будетъ противна даромъ что *gentleman*. Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ“.

Восклицаніе это относится къ 11 іюня, когда въ Пушкинѣ окончательно назрѣла рѣшимость „удрать на чистый воздухъ“, и 25-го іюня онъ обратился къ графу Бенкендорфу съ просьбой испросить ему отставку. Государь, которому поэтъ готовъ былъ отпустить всѣ вины, лишь бы „тотъ“ отпустилъ его „во свояси“, отвѣтилъ, что онъ никого противъ воли не удерживаетъ на службѣ, но лишилъ Пушкина права посѣ-

щать архивы, „такъ какъ право сіе можетъ принадлежать единственно людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства“.

Пушкина стали упрекать въ неблагодарности, примѣнили къ нему испытанный уже пріемъ игры на благородствѣ поэта, и въ результатѣ онъ, чувствуя себя правымъ передъ государемъ, взялъ обратно свое прошеніе объ отставкѣ и такъ описывалъ женѣ исторію своей отставки: „На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо, коли

проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, а что скажетъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну. дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что *я не хочу, чтобы могли меня подозревать въ неблагодарности. Это хуже либерализма*“.

Единственно, чего Пушкинъ могъ добиться, это—небольшой передышки—отпуска, которымъ онъ воспользовался для поѣздки въ Москву на Полотняный заводъ (въ имѣніе Гончаровыхъ) и въ Болдино, гдѣ написалъ свою са-

тирическую „Сказку о золотомъ пѣтушкѣ“ съ политическими намеками, не потерявшими своего значенія до 1917 года. *)

Неудача съ отставкой въ июнѣ 1834 года угнетающе подѣйствовала на Пушкина, жизнь стала тяготить его все болѣе, спертый воздухъ двора не давалъ ему дышать, мечты о „чистомъ воздухѣ“ не оставляли поэта, и ровно черезъ годъ, только что вернувшись изъ 28-ми дневного отпуска (послѣ чистаго воздуха Пушкину каждый разъ Петербургъ становился невы-

*) До февральской революціи 1917 года Пушкинскія слова въ оперѣ Римскаго Корсакова „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“ подвергались цензурнымъ искаженіямъ (такъ царь былъ замѣненъ воеводой, „царствуй лежа на боку“ — „спи спокойно на боку“ и т. д.).

носимѣ) онъ повторилъ—и такъ же неудачно—неудачный опытъ 1834 года: 1 іюня 1835 г. Пушкинъ обратился съ письмомъ къ графу Бенкендорфу и просилъ разрѣшенія отправиться на три—четыре года въ деревню для поправленія дѣлъ. Государь отмѣтилъ на письмѣ Пушкина, что ему нельзя отправиться въ деревню иначе, какъ взявъ отставку. Въ отвѣтъ на это Пушкинъ писалъ Бенкендорфу: „Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю и желаю только, чтобъ рѣшеніе Его Величества не было для меня знакомъ немилости и чтобъ входъ въ Архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ“.

И опять дѣло приняло такой же оборотъ, какъ и въ 1834 году: Пушкинъ принужденъ былъ остаться и *принужденъ* былъ обстоятельствами просить ссуды. Государь разрѣшилъ выдать Пушкину займы 30.000 (а также и четырехмѣсячный отпускъ), и тѣмъ самымъ положеніе поэта все осложнялось и запутывалось.

Послѣ этого съ Пушкинымъ могли обращаться, какъ съ холопомъ, и онъ имѣлъ основаніе жаловаться графу Бенкендорфу, что „ни одинъ изъ русскихъ писателей не притѣсненъ болѣе его“.

А въ это время надъ головой поэта нависла новая гроза, и къ различнымъ непріятностямъ и затрудненіямъ—денежнымъ, отношеніямъ съ

правительствомъ и придворными вельможами и проч.— прибавились и семейныя. и столичная молва все чаще и чаще начала называть вмѣстѣ имена его жены и барона Дантеса...

Х.

Весь 1836 годъ былъ тяжелой, безнадежной борьбой Пушкина со все болѣе и болѣе запутывающейся, мучительной обстановкой его жизни. Поэтъ долго не сдавался, но наступилъ неизбѣжный, роковой моментъ, когда онъ понялъ безвыходность своего положенія и сталъ искать смерти—конца безмѣрныхъ мученій.

Мѣры правительства, полицейскій характеръ котораго окончательно понялъ Пушкинъ, вызывали въ

немъ раздраженіе. Полно такого раздраженія стихотвореніе „Когда великое свершалось торжество“, въ которомъ поэтъ возмущается не только полицейской охраной картины Распятія, но и соціальной несправедливостью:

Иль опасаетесь, чтобъ
чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ
Адамовъ искупила,
И, чтобъ не потѣснить гу-
ляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда
простой народъ?

Раздраженіе вызываютъ въ Пушкинѣ и цензурныя придирки, и онъ пишетъ Д. В. Давыдову по поводу военной цензуры, вымаравшей статью Давыдова о партизанской войнѣ: „Право, кажется,

военные цензоры вымарали для того, чтобъ доказать, что они читаютъ. Цензура— дѣло земское; отъ нея отдѣлили опричину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ. Тяжело, нечего сказать. И съ одною цензурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились Русскіе писатели, которые не только смиренны, но даже сами отъ себя согласны съ духомъ Правительства.— Но знаю, что никогда не бывали они притѣснены, какъ нынче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойн. Имп., когда вся литература сдѣлалась рукописною благодаря Красовскому и Бирюкову“.

Поэтъ вновь хочетъ напомнить читателямъ объ апостолѣ русской свободы— Радищевѣ и пишетъ статью „Александръ Радищевъ“, не пропущенную цензурой.

Оппозиціонность Пушкина достигаетъ въ 1836 году своего предѣла, и онъ смотритъ совершенно безнадежно на наше политическое положеніе: политическая свобода недостижима, и, въ концѣ концовъ, она не такъ на-сущно необходима, какъ личная свобода, о которой Пушкинъ, всю свою жизнь испытывавшій тяжелое положеніе зависимости, постоянно мечталъ. Мечты о личной свободѣ поэтъ выразилъ въ стихотвореніи, въ которомъ скрылъ себя за име-

немъ итальянскаго поэта
Пиндемонте:

Не дорого цѣню я громкія
права,
Отъ коихъ не одна кру-
жится голова.
Я не ропщу о томъ, что
отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи
оспаривать налоги,
Или мѣшать царямъ другъ
съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ—свобод-
но ли печать
Морочить олуховъ, иль
чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыс-
лахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите-ль *слова,*
слова, слова,
Иныя, лучшія мнѣ дороги
права,
Иная, лучшая потребна
мнѣ свобода...

Зависѣть отъ властей, за-
висѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно?
Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ
лишь самому
Служить и угождать; для
власти, для ливрей
Не гнуть ни совѣсти, ни
помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитать-
ся здѣсь и тамъ,
Дивясь Божественнымъ при-
роды красотамъ,
И предъ созданьями ис-
кусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ вос-
торгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ пра-
ва!...

Въ этомъ стихотвореніи
Пушкинъ повторилъ прибли-
зительно то, что онъ писалъ
и раньше, въ 1834 году:

„Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше“— и въ послѣднемъ стихотвореніи, обращенномъ къ женѣ, мечтая о побѣгѣ „въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ“.

Въ концѣ 1836 года (въ ноябрѣ) Пушкинъ сдѣлалъ послѣднюю попытку осуществленія своей мечты о побѣгѣ: первымъ шагомъ для этого явилось письмо графу Е. Ф. Канкрину, которымъ поэтъ хотѣлъ ликвидировать свои денежные дѣла—обязательства казнѣ. Пушкинъ оставался должнымъ казнѣ 45 тысячъ рублей, которые онъ и хотѣлъ „сполна и немедленно“ уплатить, предо-

ставивъ казнѣ свое Болдинское имѣніе. Предвидя возможное вмѣшательство въ дѣло Государя, который можетъ простить долгъ и тѣмъ связать Пушкина, не дать ему возможности „плюнуть на Петербургъ, да подать въ оставку“ и убѣжать отъ невыносимо-мучительной жизни „въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ“, поэтъ пишетъ графу Канкрину: „Осмѣливаюсь затрудить Ваше Сіятельство еще одною, важною для меня просьбою. Такъ какъ это дѣло весьма малозначуще и можетъ войти въ кругъ обыкновеннаго дѣйствія, то убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство не доводить онаго до свѣдѣнія Государя Императора, который, вѣроятно, по своему ве-

ликодушію, не захочетъ таковой уплаты (хотя она я мнѣ вовсе не тягостна), а можетъ быть и прикажетъ простить мнѣ мой долгъ, что поставило бы меня въ весьма тяжелое и затруднительное положеніе: ибо я въ такомъ случаѣ былъ бы принужденъ отказать отъ царской милости, что и можетъ показаться неприличіемъ, напрасной хвастливостію и даже неблагодарностію“.

Но было уже поздно: петля затянулась, и всѣ усилія Пушкина высвободиться изъ нея были тщетными.

Мы старались, насколько это возможно въ краткомъ и популярномъ очеркѣ, прослѣдить общественно-политическіе взгляды и настроенія

Пушкина, постоянно эволюціонировавшіе, но не измѣнявшіеся по внутренней своей сущности. Мы старались показать, что взглядъ, по которому Пушкинъ измѣнилъ въ царствованіе Николая I-го своимъ былымъ либеральнымъ мечтаніямъ и взглядамъ и перешелъ въ лагерь консерваторовъ, невѣренъ. Невѣрно представленіе Пушкина консерваторомъ въ Николаевскую эпоху, какъ невѣрно и представленіе его революціонеромъ въ царствованіе Александра I-го.

Пушкинъ постоянно съ недоувѣріемъ относился къ политической дѣятельности, исповѣдывалъ политическій квиэтизмъ, увѣренный въ томъ, что „плетью обуха не перешибешь“, но не былъ пэ-

томъ, индифферентнымъ къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ и постоянно оставался пѣвцомъ свободы, однимъ изъ великихъ апостоловъ свободы въ русской литературѣ, воспринявшей завѣты Пушкина и воспитавшейся на его поэзіи.

Поэзія для Пушкина постоянно оставалась выше всего на свѣтѣ, вѣчное для него было выше временнаго и условнаго.

Тайна *божественнаго искусства* велика, и она не можетъ быть ничему принесена въ жертву. Поэзія не можетъ ничему подчиняться, „цѣль поэзіи—поэзія“, поэзія самоцѣнна, но, какъ таковая, какъ совершенно свободная и

прекрасная стихія, какъ сила эстетическая, она пробуждаетъ и „чувства добрыя“ въ людяхъ.

И если сказанное нами вѣрно по отношенію ко всякому свободному искусству, то въ особенности приложимо это къ величайшему достиженію русскаго искусства—къ поэзій Пушкина.

Пушкинъ имѣлъ право въ 1836 году (21 августа) говорить не о какомъ-либо одномъ періодѣ, но обо всемъ своемъ творчествѣ, тѣ великія слова, которыя онъ произнесъ въ предсмертномъ Памятникѣ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,

Что чувства добрыя я ли-
рой пробуждалъ *),
Что въ мой жестокий вѣкъ
возславиль я свободу
И милость къ падшимъ
призывалъ.

М. Л. Гофманъ.

*) Въмѣсто этого стиха Пушкинъ первоначально написалъ другой:

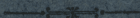
Что звуки новые для пѣсенъ я
обрѣлъ
и исправиль его, не замѣнивъ эстетической формулы этической (какъ это думаетъ напр. проф. С. А. Венгеровъ), а дополнивъ ее, указавъ не на цѣль, а на дѣйствіе прекраснаго:

Что чувствадобрыя я *лирой* пробуждалъ.

М. Л. Гофманъ.

ПУШКИНЪ

Его общественно-политическіе
взгляды и настроенія.

ЧЕРНИГОВЪ.
1918.